

18+

Джилл Симс

ПОЧЕМУ

МАМА

ЧАСТО

МАТЕРИТСЯ

Дневник
измотанной
мамы

Бестселлер
Sunday
Times

Дневник измотанной мамы

Джилл Симс

Почему мама часто матерится

«Издательство АСТ»

2018

УДК 37
ББК 74.9

Симс Д.

Почему мама часто матерится / Д. Симс — «Издательство АСТ»,
2018 — (Дневник измотанной мамы)

ISBN 978-5-17-118146-8

Добро пожаловать в мир типичной мамы! Муж в постоянных экзотических командировках, сын не отлипает от айпада, дочь мечтает стать звездой Инстаграма и разбогатеть, поучая весь мир стильной жизни. Мама изо всех сил пытается сохранить брак и семью в доме, где дети и плесень совершенно отбились от рук, но помогать ей готов лишь верный и благородный терьер Джаджи. Вдобавок к этому у мамы новый челлендж – работа мечты в крутом IT-стартапе, где к работающим матерям относятся не очень. Справится ли она? Мама пишет дневник о том, что волнует любую маму: как сложно воспитывать детей и сохранять семью, быть не «только мамой» и не терять чувство юмора даже в самые трудные моменты, ведь жизнь слишком коротка, чтобы воспринимать ее всерьез.

УДК 37
ББК 74.9

ISBN 978-5-17-118146-8

© Симс Д., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Июль	6
Август	10
Сентябрь	22
Октябрь	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джилл Симс
Почему мама часто матерится
Посвящается АЕ и АТ

Июль

Понедельник, 18 июля

Мне осталось продержаться неделю до начала летних каникул. Завидую родителям из «Великолепной пятерки» – мало того, что они при каждом удобном случае сплавляли Джулиана, Дика и Энн к тете Фанни и дяде Квентину, так и сама тетя Фанни отсылала детишек подальше: то на острова, то на болота, то в пещеры – где их поджидали БАНДИТЫ, ПИРАТЫ, РАЗБОЙНИКИ, только чтобы дядя Квентин мог работать в тиши над своими изобретениями. Меня часто грызут сомнения, получится ли у меня еще что-нибудь изобрести, ведь один раз у меня *получилось* создать неплохое приложение, которое принесло немного денег, хотя вселенная приложений так огромна и сегодняшние хиты уже завтра забываются и никто ими больше не интересуется. Тем не менее я уверена, что смогла бы повторить свой успех с какой-нибудь другой идеей, мне бы только перестать пинать балду и трескать печенки и еще отправить бы детей куда-нибудь подальше на лето, где они могли бы набегаться и напрыгаться вдоволь. Насколько я помню, изобретения дяди Квентина не приносили ему ни гроша, потому они с тетей Фанни вынуждены были приглядывать за сорванцами племянниками, это же было не безвозмездно, так что у меня не получится отделаться малой кровью и просто всучить детям в руки велик и пакет с бутербродами в первый день каникул и сказать им, чтобы уезжали, куда глаза глядят и не возвращались, пока не придет время снова идти в школу. Джейн исполнилось одиннадцать – самый возраст, чтобы читать «Великолепную пятерку», о чем я ей однажды и намекнула во время очередной перебранки о том, почему ей нельзя зарегистрироваться в инстаграме, а она пригрозила позвонить в органы опеки, если я еще раз попытаюсь заставить ее читать против воли.

Меня душит жаба, как представлю, какие расходы повлекут за собой эти летние каникулы, особенно когда начинаю читать Питеру про невероятные приключения, путешествия и авантюры, в которые попадают герои Энид Блайтон. Он же сопротивляется и требует вместо чтения вслух разрешить ему смотреть стримы от DanTDM. Джейн категорически отказалась участвовать в таких детских забавах, как чтение на ночь, так что нам пришлось пойти на компромисс – она сама выберет книгу и будет читать самостоятельно, что звучало вполне себе разумно, но потом, прочитав две главы «Энн из усадьбы Зеленые Крыши», Джейн заявила, что ничего глупее и скучнее не могла себе представить, а у Энн, главной героини книжки, просто большое воображение, за что я накричала на свою бездушную дочь и сказала, что, наверное, ее подменили в роддоме, потому что моя дочь никогда бы так не отозвалась об Энн Ширли. Теперь я делаю вид, что не замечаю, как Джейн смотрит видеоуроки по макияжу на ютубе вместо того, чтобы бродить по романтичному Авонлею в обществе Гилберта Блайта (*с которым я бы до сих пор не прочь*, кстати говоря).

Однако Питеру, в отличие от Джейн, не удалось сломить мою волю, и потому каждый вечер мы с ним садимся и начинаем наше путешествие на остров Киррин. У него на этот случай припасено химическое оружие – чтобы избавиться себя от чтения, он начинает пускать газы так часто и густо, что это просто ненормально, однако надо отдать ему должное, своими газами он, по его словам, довел учительницу до истерики. У меня от его газовой атаки даже глаза начинали слезиться, так что приходилось прерывать чтение не раз и не два.

Планировалось, что это лето у меня будет менее загруженным, чем прошлое, потому что три месяца назад я уволилась с работы, точнее, воспользовалась моментом, когда мне предложили сокращение с выплатой неплохой компенсации за потерю рабочего места. Два года

назад я создала приложение «Почему мама хочет напиться», оно было вполне себе успешным, и я планировала раскрыть свой потенциал крутого дизайнера игр и приложений. Так что три месяца назад я решила, что пришло время для следующей игры-хитяры, и по обоюдному согласию сторон покинула свое место и к тому же с выплатой энной суммы, которой должно было хватить на то время, пока я не изобрету еще какой-нибудь чумовой хит. Уходя с работы, я надеялась, что наконец-то у меня появится уйма времени, чтобы претворить свои блестящие идеи в приносящие доход проекты. Но когда дело дошло до превращения идей в игры и приложения, все они оказались, как бы это выразиться... дерьмовенькими. А еще оказалось весьма непросто работать из дома, когда ты сам должен управлять собой и своим временем, отсюда нулевая производительность вместе с чувством изолированности и одиночества, когда не с кем переброситься словечком, – и это после стольких лет мечтаний сбежать из офиса и работать самостоятельно на дому! Иногда я ловлю себя на мысли, что скучаю по Джин из отдела поставок с ее бесконечными и подробнейшими рассказами о состоянии ее поджелудочной железы. К тому же, когда безвылазно сидишь дома, то оказывается, что ты поглощаешь немереное количество шоколадного печенья. Итак, мне пока не удалось придумать Нечто Гениальное, зато я успешно отъела себе безбрежный зад. До сих пор не верю своим глазам, когда смотрюсь в зеркало и вижу пониже своей спины овощной киоск, хочется спросить, как в одной детской книжке: «А чья это тележка, чей это прицеп?»

Тем временем каникулы приближаются, и я бронирую спортивные лагеря, часы занятий в центрах детского творчества, договариваюсь с друзьями о совместных мероприятиях с их детьми, чтобы занять хоть чем-то детей во время каникул и в то же время сделать что-то полезное для себя, не вбухивая кучу денег в летний отдых детей. Хотя кого я обманываю – все равно придется раскошеливаться, потому что дети будут требовать зрелищ, а также хлеба и другой снеди каждые полчаса, и я никак не могу понять, как они в школе обходятся без еды, ведь у них клюв не закрывается ни на минуту, и всякий раз туда надо что-то закидывать.

Пятница, 22 июля

И вот наконец их отпустили на летние каникулы! Всю предыдущую неделю дети при-таскивали домой из школы свои потрепанные книжки, замызганные тетрадки, скопившиеся за целый учебный год поделки и истерзанные рисунки, и все это было усыпано блестками, так что и дома теперь у нас все блестит, и ничего из их поделок выбросить нельзя, а надобно бережно сохранить для потомков, ибо, как выразилась Джейн, все это будет стоит баснословных денег, когда она вырастет и станет знаменитым медиаинфлуенсером. Сейчас, глядя на ее весьма посредственную копию «Подсолнухов» Ван Гога, которая есть у каждого ученика в классе, мне сложно представить, что эта мазня кому-нибудь пригодится в будущем, но если я выброшу ее на помойку, то уничтожу детские мечты и амбиции своего ребенка. Однако по ночам я все же выношу этот хлам в мусорный контейнер на улице, а в глаза ей говорю, что все сложила на чердаке для архива.

Питер также приволок домой свое задание на лето – маленькое растение в горшочке, за которым он должен ухаживать все каникулы и принести в класс на следующий учебный год. Чудесно. У меня растения не приживаются. Даже кактусы сохнут от прикосновений моей тяжелой руки. Я поинтересовалась у Питера, как называется его растение, – на случай, если потребуется срочно его заменить. Питер авторитетно заявил: «Мама, это называется зеленое растение». Не уверена, что это поможет, когда я буду бегать по цветочным магазинам в поисках такого же. Когда мне самой было девять, мне разрешили на выходные взять домой из живого уголка в классе хомячка, а он у меня сбежал, и моей маме пришлось оббежать все зоомагазины в городе, чтобы найти похожего на Ганнибала хомячка. Потом мама говорила, что еще годы

спустя в подвале кто-то бегал, но, скорее всего, она это придумала, чтобы я не плакала, потому что ее сиамский кот-бегемот Альфонс в те выходные очень самодовольно облизывался.

Понедельник, 25 июля

Первый день каникул. Полагаю, могло быть и хуже. У меня в детстве была книжка под названием «Первый день каникул», там рассказывалось про пингвинов-хулиганов, которые угнали мотоцикл и поехали кататься, пока не попали в аварию (если вдуматься, зачем пингвинам угонять мотоцикл?), но в наш первый день каникул никто ничего не угонял, ни люди, ни звери. В основном в этот день дети просто скучали и скулили.

Начиналось все хорошо. Я решила, что мы проведем первый день каникул все вместе за каким-нибудь интересным занятием. Джейн захотела в кино, Питер потребовал лазерный квест, я отклонила оба предложения как неинтересные и бесполезные. К нам присоединились еще Софи и Тоби, дети моего друга Сэма (это было частью программы родительской взаимопомощи, потому как Сэму, отцу-одиночке, чаще других приходилось несладко). Я собиралась отправиться с ними в какую-нибудь старинную усадьбу, ставшую музеем, где мы сможем прикоснуться к истории нашей страны.

– Скуууушнаааа! – заныли мои дети, Софи и Тоби явно были такого же мнения, но вслух его не высказывали, ибо были хорошо воспитаны.

– Зачем нам туда идти? Там скучотища, – возмущалась Джейн.

– Мама, а можно взять с собой айпады? – заканючил Питер.

– ТАМ БУДЕТ ВЕСЕЛО! – пригрозила я им. – ВАМ ПОНРАВИТСЯ, ВЫ МНОГОЕ УЗНАЕТЕ И ПОТОМ БУДЕТЕ ЕЩЕ ДОЛГО С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ВСПОМИНАТЬ! И к тому же у нас там скидка на билеты, потому что ваш отец состоит в Национальном фонде объектов исторического наследия, а мы этим не пользуемся.

Конечно, как только мы добрались до объекта исторического наследия, я сразу же вспомнила, почему мы туда не ездим, – да потому что все эти объекты напичканы до ужаса ценными и хрупкими артефактами, а ценные и хрупкие артефакты несовместимы с детьми, особенно с маленькими мальчиками. В моем воображении рисовались заинтересованные мордашки моих детишек с горящими глазенками, которыми они впитывают картину блестящего прошлого нашей страны, на самом деле все было прозаичнее, я просто одергивала их на каждом шагу: «Не трогай, НЕ ТРОГАЙ! ЕЖКИНА МАТЬ, НЕ ТРОГАЙ, СКАЗАЛА! КУДА ПОЛЕЗ! КУДА ТЫ СЕЛ! ГОСПОДИБОЖЕМОЙ! ВСТАНЬ СЕЙЧАС ЖЕ!» – и распугивала своими окриками чинно прогуливающихся по залам пенсионеров, которые неодобрительно шикали на меня и мысленно уже писали гневные жалобы в Daily Mail. Может, стоит сделать приложение, которое загружаешь ребенку в телефон или в айпад, и оно, реагируя на любое ценное и хрупкое произведение искусства вблизи ребенка, начинает вибрировать, издавать звук сирены и кричать «Не подходи!», чтобы родителям было спокойнее. Такое приложение очень бы пригодилось не только в стенах объектов исторического наследия Национального фонда, но еще и в магазинах фарфора и фаянса. Хотя если вы настолько наивны, что заходите в магазин фарфора и фаянса с маленькими детьми, то вы заслуживаете неотвратимой расплаты за тот погром, который учинят там ваши детки...

Поскольку ребяташки съели все, что я брала для пикника, не дожидаясь, когда мы доберемся до места пикника, то мне пришлось вести их на обед в ближайшее кафе. Кафе самообслуживания – не самое лучшее место для обеда с четырьмя маленькими детьми. Теоретически дети девяти и одиннадцати лет уже должны сами себя обслуживать, но на практике такие сложные умственные задачи, как стоять в очереди, нести поднос, выбирать сок, оказались им не по силам, так что к моменту, когда наша компания уселась за стол, все графство вокруг этого поместья тихо ненавидело нас. Запеканка, которую настойчиво хотела взять Джейн, утверждая,

что именно ее она хочет на обед, была ею за столом отвергнута, поскольку внутри обнаружился красный перец, а я ведь *знаю*, что перец она не ест; Софи обожглась горячим супом, хотя я ей говорила подождать, пока суп остынет; Питер и Тоби в один присест проглотили содержание детского обеда, который они сами выбрали, и теперь в недоумении озирались, чтобы им еще такое съесть; мне пришлось отпаивать холодной водичкой Софи, выкарабывать майонез из *своего* бутерброда для Джейн, одновременно с этим не соглашаться покупать им кока-колу, но обещать купить чипсы по дороге домой, все это время борясь с желанием встать и выйти из кафе, чтобы разбежавшись воткнуться головой в живописную каменную кладку ограды этого старинного поместья. Хотя меня, наверное, оштрафуют за порчу имущества Национального фонда.

Люди были еще больше шокированы, когда я стала выводить из кафетерия детей криками «А ну встали быстро, шевелитесь, давайте, исчадья ада». До сих пор мне невдомек, то ли я была уставшая и невменяемая, когда подгоняла драгоценных деточек, называя их прилюдно исчадьями ада, то ли они были настолько в шоке, что послушно поплелись за мной.

Сколько там еще дней до конца каникул?

Август

Четверг, 4 августа

На этой неделе дети ходят в спортивный лагерь. Спортивные лагеря – это садистское изобретение какого-то урода под видом «веселого» времяпровождения для детей и доступного присмотра за детьми на каникулах – для родителей. Доступный присмотр измеряется в стопятысот тыщ миллионов фунтов. Веселое времяпровождение предполагает, что у ребенка должно быть пять разных комплектов одежды для разных видов спорта, включая комплект для плавания, который нужно каждый вечер стирать, сушить, иначе он до утра протухнет в сумке, и не забывать поставлять каждый день чистые полотенца, потому что дети – это грязные поросята.

Каждый раз, когда я записываю детей в подобные лагеря, я тешу себя надеждой: вдруг у них обнаружится скрытый талант, и в них пробудится великий теннисист/футболист/гимнаст. Пока никто не пробудился, большей частью они заняты тем, что поглощают чипсы и канючат деньги на вендинговые автоматы, посему в конце дня, когда они, предположительно, должны быть выжаты как два лимона после активного спортивного дня, – вместо этого они стоят на ушах от всех выпитых энергетических напитков, хотя я им не разрешала их покупать, «Только один коктейль, зайчик, ничего больше, я сказала “коктейль”, нет, не открывай этот напиток, НЕ ОТКРЫВАЙ, кому сказала! Ух ты ж паразит!»

Саймон сейчас в важной командировке в Мадриде, не знаю, чем он там в своих командировках занимается, подозреваю, что нихрена он там ничем не занят, живет себе в прекрасном отеле (как мне было приятно узнать из его смски, что его статус повысили до номера-люкса), ходит на ужины в настоящие рестораны, в которых даже не подают чипсы, и ему не надо строго-настрого инструктировать официанта не ставить никаких соусов в пределах досягаемости детей, потому что если детям в бургере попадется майонез или не дай бог горчица, то они все равно выльют на него еще и кетчуп, а потом откажутся есть, потому что все перемешалось. Как же я мечтаю пожить в отеле! На своей старой работе мне не приходилось ездить в командировки, но теперь, когда я на старте многообещающей карьеры разработчика приложений, то вполне может статься, что я буду ездить на конференции или даже конвенции. В Лас-Вегасе пруд пруди таких мероприятий, и мне видится, как я шлю оттуда смски Саймону о том, что я хорошо провожу время, скорее всего в люксе, ем всевозможные блюда под всяческими соусами. А пока я сижу дома. Жру печеньки. Пялюсь в пустой экран и думаю, что же, черт возьми, мне придумать, и стараюсь отгонять подальше мысль о том, что деньги из компенсации уже почти закончились. Много ушло на печеньки.

Разумеется, я рассчитывала, что пока дети будут в спортивном лагере, у меня появится прекрасная возможность что-нибудь сделать, но ничего не вышло. У кого-нибудь вообще получается работать дома или это только у меня такая проблема? Большую часть времени я трачу на то, что смотрю в окно и шарюсь на сайте Daily Mail, где узнаю, кто «вышел в свет» (пошел по магазинам), «продемонстрировал свои формы» (пошел по магазинам в слегка более обтягивающем топе, чем те, что вышли в свет) или «высмеял» другого, такого же выскочку в посте (вякнул что-то расплывчатое в твиттере в надежде на хайп, но как только Daily Mail засекла этот твит, тут же удалил). Также подолгу раскладываю пасьянс, прежде чем написать тучу электронных писем до 14:45, когда нужно выходить забирать детей из школы. По глупости одно из писем я отправила Саймону, такому заботливому и любящему мужу, который на предыдущий вопрос, у всех ли не получается работать дома или это только у меня такая проблема, ответил,

что это только у меня такая проблема, потому что он никогда не прокрастинирует. Это наглая ложь, видала я его версию работы на дому, которая включает почти столько же потерянного времени на сайте Daily Mail, сколько и на сайте Autocar, где он пускает слюни на спорткары, которые никогда не сможет купить, а потом безвольно шарится по кухонным шкафам, забитым едой (кроме печенок, потому что я их все слопала), в поисках непонятно чего и начинает ныть, почему это в доме никогда ничего нет из еды.

Опасаясь, что мое волевое решение не пить по вечерам в будни ничем хорошим не закончится.

У тети Фанни такой проблемы не было.

После двух бокалов вина и неприятного изучения плачевного состояния банковского счета, после целого дня без общения со взрослыми людьми, за исключением напористого «инструктора» из спортивного лагеря, который вынудил меня подписать заявление о том, что Питер ушибся головой по собственной вине, а не по недосмотру персонала, я поняла, что нужно срочно что-то менять, и обратилась в рекрутинговое агентство. Пусть найдут мне какую-нибудь работенку, пусть по совместительству, с зарплатой для поддержки штанов, но с часами, которые позволяли бы мне посвящать много времени разработке моего блестящего приложения. А также чтобы была возможность ездить в командировки в экзотические места (понятное дело, что такой опции в описании работы не было, но должны же быть такие вакансии).

Пятница, 5 августа

Господи. Господи, господи, боже мой. Боюсь, я совершила очередную глупость. Я в скаутском лагере с Джейн. Пару месяцев назад на родительском собрании по поводу лагеря я вызвалась быть добровольцем, посчитав, что это важное и нужное дело, которое даст мне возможность провести время вместе с дочерью как хорошая добрая мать, а также – до некоторой степени – докажет моей давней вожатой Коричневой Сове, что она несправедливо исключила меня из лагеря скаутов Брауни за несоблюдение субординации. (Я теперь даже и не помню, из-за чего там был сыр-бор, смутно припоминаю, что я не хотела вязать узлы и баловалась, когда все пели скаутский гимн, как бы то ни было, я была не из скаутского теста.) Но теперь я в лагере девочек-скаутов! И в этот раз все будет по-другому. Правильное зеленое поле, на нем правильные белые палатки, рядом с ними правильные костры, на которых мы будем готовить правильную еду. И даже молоко будем брать правильное у правильного местного фермера. А возможно, где-то в окрестностях водятся какие-нибудь хулиганы, но мы с девочками объединимся и наставим их на путь истинный. О да! Эта смена в скаутском лагере вам запомнится! Когда Мелани, главный скаут, объявила, что нужны волонтеры, я с такой готовностью подняла руку, что чуть ли из штанов не выпрыгнула от охватившего меня энтузиазма. Поспешила я, не надо было так раскочегариваться, потому что по толпе родителей прошел вздох облегчения, когда они увидели, что какая-то дурочка вызвалась быть волонтером и сняла с них это бремя. Однако на Мелани мой приступ самопожертвования не произвел впечатления.

– Эллен! – вяло воскликнула она. – Как любезно с Вашей стороны! Вы уверены, что сможете быть волонтером?

Я заверила Мелани, что, *разумеется*, могу и хочу.

– Только Вы должны понимать, что будете *полностью* отвечать за отряд девочек. Под Вашу личную ответственность. Вы уверены, что сможете справиться с отрядом девочек? – встревоженно поинтересовалась Мелани.

Я забеспокоилась, что Мелани вспомнила тот неудачный вечер несколько недель назад, когда было мое дежурство в школьном лагере скаутов, а она отлучилась, потому что у кого-то из детей пошла носом кровь. В тот же вечер к нам в лагерь пришел констебль Бриггс, чтобы прочитать девочкам лекцию об основах самообороны, ну Мелани подумала, что девочки будут

в безопасности на попечении меня и полицейского. К несчастью, наш полицейский был такой молоденький и такой наивный. И надо же было так случиться, что Амелия Уоткинс выбрала этот самый момент, когда Мелани не было в лагере, и попросила констебля Бриггса продемонстрировать наручники, потому что она думает в будущем строить карьеру в полиции. Не успел он отстегнуть наручники от пояса и протянуть их Амелии, как она ловко приковала его к стулу, а другие девочки, в которых проснулся животный инстинкт добить слабого, окружили нашего констебля, отобрали у него дубинку, рацию и вообще стали над ним изголяться с жестокостью, на которую способны только неразумные дети. Как в «Повелителе мух», они стали исполнять вокруг него ритуальные танцы, передразнивая его просьбы отпустить, более того, Табита Маккензи связалась по рации с базой и передала ультиматум с требованием выкупа, а Тилли Эверетт испытывала на прочность полицейскую дубинку и крепость костей Милли Джонсон, в то время как я совсем растерялась и беспомощно умоляла детей прекратить это безумие.

Мелани не было только три минуты, а девочки совершенно отбились от рук. К моменту, когда она вернулась, констебль Бриггс чуть не плакал, его рация зловеще трещала и из нее доносились угрозы прислать «подкрепление», Милли держала голову Тилли в удушающем захвате и пыталась ее разоружить (по крайней мере, Милли повторила все то, что демонстрировали на уроках самообороны).

По резкому свистку Мелани порядок быстро восстановился, констебль Бриггс поспешно ретировался, а из его рации доносился гомерический хохот по поводу нападения девочек-скаутов, а меня отправили в качестве наказания за мою безответственность и беспомощность сортировать канцелярские принадлежности.

Тем не менее теперь, когда ни один из родителей не вызвался стать добровольцем, Мелани не оставалось ничего, кроме как согласиться на мою кандидатуру.

– Вы что-нибудь знаете о походном лагере, Эллен? – спросила она без всякой надежды.

– Еще как! – бодро ответила я. – Однажды я ездила в Гластонбери. Было здорово. Уверена, что скаутский лагерь – это то же самое. Будет весело! – заверила я ее как могла. Мелани мои слова не убедили.

И вот я здесь. В лагере. В чистом поле. Скорее, в грязном поле. Вокруг дофига девочек-скаутов, видимо, здесь слет скаутов со всего графства, со всех его уголков, поэтому Мелани как директор лагеря пытается не ударить в грязь лицом. Конечно же, пытаясь произвести хорошее впечатление, она не учла, что я заявлюсь в лагерь, обутая в неоноворозовые резиновые сапоги Hunter. Сверху над сапогами красовались дерзкие джинсовые шорты и стильный жакет Barbour, что воспроизводило мой ансамбль двадцатилетней давности, когда я поехала в таком виде на фестиваль в Гластонбери в попытке скопировать имидж Кейт Мосс и Джо Уайли, и мне было невдомек, что Кейт Мосс и Джо Уайли, наверное, единственные женщины в Британии, которые могут после двадцати пяти натянуть на себя шорты и выглядеть прилично, я же в этих кургузых штанишках смотрелась как чучело на спидах. Хорошая новость: мой автозагар на ногах так мощно проявился, что стал ярко-морковного цвета и, вероятно, светился в темноте, так что меня будет нетрудно найти, если я потеряюсь ночью в поле.

Раз уж Мелани так разочарована во мне, то и я не сильно обрадовалась, когда обнаружила вместо стройных рядов туго натянутых белых брезентовых палаток, которые рисовались в моем воображении при слове скаутский лагерь, какие-то вшивые нейлоновые шалаши поношенного цвета. По заверениям Мелани, этот искусственный высокотехнологичный материал более практичен, чем старый добрый тент из брезента, и в современной палатке нам будет теплее и удобнее.

– Но другие палатки такие красивые! – вздыхала я и любовалась на белеющие тенты на другом конце поля, пока Мелани пыталась руководить мной и еще пятнадцатью перевозбужденными девочками, чтобы мы установили наконец-таки свои палатки. «Как могут эти ужасные нейлоновые мешки быть более удобными, чем те волшебные белые тенты, которые так

и просят, чтобы их украсили флажками, накидали в них подушек и обвили лампочками-гирляндами!»

– Эллен, отставить! – скомандовала Мелани. – Вы путаете скаутский слет с модным показом Cath Kidston. Здесь у нас царит боевой дух в стиле генерала Баден-Пауэлла.

В стиле генерала? Ах вот оно что! Только сейчас до меня дошло, что это просто был не мой стиль, и, вероятно, поэтому меня вычистили из рядов скаутов тогда, много лет назад. Тут же у меня в голове зашевелились бунтарские мысли, что если уж кому и посчастливится распутывать тайны или противостоять козням злоумышленников, то только тем счастливицам, что расположились в очаровательных винтажных брезентовых палатках.

Суббота, 6 августа

Сегодня я точно поняла, что не люблю лагерь и походы. Лагерь, по сути, это когда спишь в чистом поле. Спать в чистом поле хорошо, когда тебе двадцать два и тебя штырит от пятнадцати бутылок сидра, лошадиных доз сомнительной дури и ты пляшешь как очумелая под рок 90-х, если не так, то кто вообще согласится идти спать в чисто поле, если можно спать дома на удобной кровати? Так еще кому придет в голову спать в поле, если эта *голова трезвая как стеклышко*? Непонятно. В поле не найдешь розетки, чтобы утюжок для волос включить. Но с другой стороны, и голову там тоже просто так не помоешь, и грязные волосы висят сосульками от кожного сала, так что не без нюансов. Мне кажется, что в волосах у меня завелся жук. Чувствую, как что-то там шевелится. Мелани не понравилось, когда я разбудила ее посреди ночи и попросила посмотреть, нет ли у меня в волосах какого-нибудь клеща. Она просто сказала мне не паниковать и лечь обратно спать, потому что в Британии нет ядовитых клещей. Она не проявила никакого сочувствия, когда я захныкала, что у меня, возможно, аллергия на клещей, но это не точно, потому что раньше у меня клещей не было. Боюсь, что Мелани не раз пожалела, что разрешила мне поехать с ними в лагерь, а уж как я жалела, что решила поехать с ними в лагерь, и не описать. То, что здесь творится, это вам не фестиваль в Гластонбери и совсем не то, что я нафантазировала себе, начитавшись рассказов про Великолепную пятерку. Все здесь не так, даже грязь не такая, как нужно.

Нет здесь и костров с дымком, на которых можно коптить сосиски. Вместо них стоит злопахая газовая плита, которая норовит спалить мне брови каждый раз, когда я ее включаю. Это будет страшнее, чем включать горелку Бунзена на уроках химии в школе. Но я не жаловалась на это Мелани, потому что, судя по тому, как она отреагировала на жука у меня в волосах, и сколько раз ей приходится за ночь вставать и бежать успокаивать расстроенных скучающих по дому девочек / пресекать полуночные посиделки / лечить кого-то от поноса в три часа ночи, потому что этот кто-то объелся шоколада, лезть к ней со своими опаленными бровями было бы излишне. Несмотря на это, я восхищаюсь Мелани, хотя где-то внутри я подозреваю, что она назначила меня дежурной по газовой плите в надежде, что я когда-нибудь подожгу себя и тем самым избавлю ее от своей беспомощности. Она справляется со всем лагерьем, и даже когда некоторые скауты становятся совсем невыносимыми, она не теряет самообладания и не посылает их в лес, хотя я бы на ее месте давно отправила бы этих дур на три буквы. Она не прикладывает к фляжке с джином, что было бы моей спасительной стратегией, будь я на ее месте. Я вижу теперь, что для такой роли требуется действительно особый человек с особым складом характера и боевым духом, как у генерала Баден-Пауэлла.

Я всегда самонадеянно думала, что во время Второй мировой войны показала бы себя с самой лучшей стороны, – ведь я настоящий боец и могла бы выступать в качестве вдохновляющего примера, была бы заводилой и запевалой, а военная форма сидела бы на мне как влитая, но сейчас я понимаю, что если бы я жила в то время, то от меня было бы мало толку, а вот

такие женщины, как Мелани, голыми руками могли бы возвести бомбоубежище и защитить других женщин и детей от врага.

Нет здесь и фальшивомонетчиков с контрабандистами, что тоже неплохо, потому что девочки в скаутском лагере больше интересуются сплетнями, которые они обсуждают, когда идут толпой в туалет, или же контрабандными конфетами, которые они поглощают в огромных количествах. Было здесь соревнование по стрельбе из лука, Джейн вырядилась как Вильгельм Телль и хотела даже стрелять в яблоко, которое поставила бы на голову Тилли Моррисон, обоим еле отговорили, а также конкурс на лучшее ориентирование на местности, во время которого девочки не могли взять в толк, в чем смысл ориентирования по бумажным картам и ручным компасам, если существуют гугл-карты.

– Ну, – сказала я, – представьте, что гугл-карты кончились.

– А почему это они кончились? – спросила Амелия Бенсон.

– Ну, потому что нет сети, или батарейка в телефоне села, – попыталась я привести доводы, но на девочек они не произвели впечатления.

– Или телефон потерялся, – сделала я очередную попытку.

– То есть телефон мы потеряли, но у нас на руках остался компас и бумажная карта? – переспросила Оливия Браун. – Что-то невероятное, такого не может быть.

– Ну, – начала я слегка заводитьсь, – а вдруг случился апокалипсис и наступила ядерная зима, гугл-карты исчезли с лица земли, также как и вся человеческая цивилизация, и только ваш отряд остался в живых, и вам нужно добраться до укрытия, пока вы не подошли как все остальные, которые заблудились, потому что не знали, как найти дорогу по бумажной карте и компасу.

От этой картины впечатлительная Миа Робинсон разрыдалась. «Я не хочу оставаться в живых одна!» – рыдала она. «А как же мой хомячок? Он ведь не переживет ядерный апокалипсис?»

– Конечно не переживет, – добила ее Джейн. Тут Миа разрыдалась пуще прежнего и остановить потоки ее слез было невозможно. Пришлось вызывать Мелани, которая начала успокаивать девочку и заверять, что, по ее данным, в ближайшем будущем не планируется никакого ядерного холокоста, и ее хомячок будет жив и здоров, а также ее мама и папа, все живы и здоровы, а мы просто играем в игру, которая называется ориентирование на местности, и все.

Пока Мелани наводила порядок в моем отряде, ее собственная группа по ориентированию не прекращала ориентироваться и откочевала куда-то вглубь леса, где и благополучно потерялась, надо было снаряжать поисковый отряд. В глазах других вожатых читалось осуждение, боюсь, что Мелани в душе уже проклинала меня. Тем же вечером была устроена какая-то общая спевка, где нужно было не только петь вполголоса, но еще и хлопать в ладоши, а также хлопать в ладоши своего соседа, так что по той силе, с которой Мелани била меня по руке, можно было судить, насколько она меня ненавидит. Надеюсь, что ночью ко мне не полезет жук, а то боюсь, что, если я опять разбужу Мелани, одним хлопком по руке там не обойдется. Вот в Гластонбери, насколько я помню, никаких насекомых не было – это здесь грязь какая-то особенно жирная и привлекает столько живности. Интересно, не слишком ли я старая, чтобы вновь поехать на фестиваль в Гластонбери? Туда можно сорокалетним? Или же я просто помру, потому что не выдержу того бешеного ритма? В том смысле, что я уже не смогу накидываться дурью, потому что как бы уже не комильфо в моем возрасте и положении, а если я буду хлестать сидр в тех количествах, что раньше, то вообще не буду вылезать из туалета, потому что после двух беременностей и родов мой мочевого пузырь уже не тот, да еще туалетные кабинки на таких фестивалях – это же кошмар. Или мне уже перейти в другую возрастную категорию и фестивалить с теми, кому «хорошо за», ну типа дискотеки 80-х. У них там туалеты поудобнее должны быть. Но такие фестивали считаются «семейным отдыхом», и какой смысл бросать своих ангелочков, напиваться в зюю и вести себя отвязно, если весь уикэнд вокруг вас будут

роиться другие семейства со своими детьми. Боже, какая я нехорошая тетя, не люблю чужих детей. Уж Мелани в этом убедилась, и потому она меня ненавидит. Не считая того, что из-за меня она потеряла свой отряд, так еще я нанесла психологические травмы девочкам из своего отряда.

Воскресенье, 7 августа

Наконец-то я дома! Наконец-то я нормально помылась! Блаженство. Ну, типа того.

Этим утром, сыграв в американскую рулетку с адской плитой и с трудом поджарив гренки, так чтобы не спалить их дотла, я накормила завтраком девочек, которые не оценили моего подвига. После завтрака стали разбирать палатки. Мелани с облегчением наблюдала, что я не совсем уж дура и допетрила, что разбирать палатки надо в обратном их установке порядке, все шло по плану, хотя некоторые скауты умудрялись запутаться и затеряться в складах сворачиваемых палаток. Однако всех до единой нашли, и у меня получилось даже никого не обидеть или напугать, что тоже неплохо, потому что впечатлительная Миа до последнего переживала за хомячка и просыпалась ночью от кошмаров. Надеюсь, что Мелани не расскажет родителям Мии, что это я вселила в их дочь ужас перед ядерной зимой. И меня укусил какой-то клещ в самом непотребном месте, по ходу то был клещ-самоубийца.

Прибыв домой с Джейн, обе вымотавшиеся и страдающие от недосыпа, я надеялась увидеть, что дома все в порядке, потому что Саймон и Питер следили за хозяйством и поддерживали огонь в семейном очаге. Может, мне и не достает боевого духа генерала Баден-Пауэлла, но в недостатке оптимизма мне не откажешь. Неизлечимого и к тому же беспричинного оптимизма. Дома царил ад. Кромешный Ад. Зачем быть оптимистом, решила я, буду лучше пессимистом. Так будет лучше всем. Пессимист либо всегда прав, либо иногда приятно удивлен – это же лучше, чем каждый раз разочаровываться, если ты неизлечимый оптимист.

Саймон напустил на себя вид оскорбленной невинности, когда я начала орать, почему это трусы валяются там, где они валяться не должны, почему мусор не вынесли, почему не смыли унитаза, почему на полу грязь, почему не вытерли стол, почему не сложили грязную посуду в посудомойку, а просто свалили все в раковину, и какого хрена они ждут, что появится волшебница-служанка, которая по мановению волшебной палочки разгребет все это дерьмо.

– Вот чем ты все это время, пока меня не было, занимался? – накинулась я на Саймона. – И НЕ ГОВОРИ мне, что ты «смотрел за Питером». Он не младенец, чтобы за ним постоянно смотреть.

– Ну, вообще-то, дорогая, – бесючим спокойным тоном начал Саймон, – я навел порядок в холодильнике, убрался в шкафчиках и повыбрасывал все, что просрочено.

Я аж похолодела.

– Ты сделал что? – промолвила я в ужасе.

Подбежала к шкафчикам. Открыла. Все мои приправы – как корова языком слизнула.

– Некоторые надо было выбросить еще два года назад, – пытался защищаться Саймон.

Я застонала.

Шкаф, в котором я держала ризотто, рукодельную пасту и пачку киноа – все символы нашей принадлежности к среднему классу, – был пуст.

– ЧЕТЫРЕ года! – продолжал Саймон свои аргументы. – Четыре года назад как надо было выбросить киноа! Ты даже не открывала ту пачку! Срок у ризотто вышел в прошлом месяце, у красного риса закончился два месяца назад, и еще там была пачка с фигурными макаронами, так она уже полгода как просрочена. А еще там лежала пачка спагетти, так у них срок закончился ШЕСТЬ лет назад!

– У этих продуктов нет срока, – с яростью набросилась я на него. – Приправы ГОДАМИ хранятся! Нет на приправах срока давности, а те, кто говорят, что надо через полгода их выки-

дывать, просто хотят вам продать новые. Приправы можно хранить, пока они не превратятся в труху! Пасту и рис можно есть годы спустя той даты, что производитель автоматом поставил на пачке, а теперь мне придется опять тратить деньги на покупку киноа, чтобы оно просто было в шкафу, как символ нашей принадлежности к среднему классу. Никто не ест киноа, оно просто должно лежать в шкафу! А консервы НИКОГДА не портятся! НИКОГДА! В этом их смысл, поэтому люди забивают склады консервами на случай ядерного апокалипсиса. Если сегодня разразится атомная война, мы можем не беспокоиться, зачем нам выживать, ведь ты нас уже лишил всех стратегических запасов круп и лапши. **ТЫ ВЫБРОСИЛ МОЙ НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС СПАГЕТТИ!**

– Дорогая, ты опять преувеличиваешь, – усмехнулся Саймон. – Глянь в холодильник.

Открыла я холодильник. Пусто, шаром покати. Ни джема. Ни кетчупа. Ни майонеза. Ничего из овощей. Три бомбажные банки старинного хумуса, которые приобрели угрожающие округлые очертания, и я боялась к ним притрагиваться, тоже исчезли, ну хоть что-то.

– Все просроченное выбросил, – заулыбался Саймон.

– Картофель где?

– Вчера выбросил.

– Куда ты дел морковь-лук-чеснок?

– Туда же, все выбросил.

– А что с ними было не так? Они же не зацвели, не сгнили, не протухли, зачем ты их выбросил?

– Срок на упаковке вышел! Давно закончился! – твердил Саймон. – Поэтому все в мусор!

– Черт бы тебя побрал, – проворчала я. – Придется заказывать доставку на ужин. А ветчина где? Она же нормальная была.

– Нет, на ней было написано «хранить двое суток с момента открытия», а она уже больше двух дней открытая была.

– Ну ты и дурак! – воскликнула я. – НИКТО НИКОГДА не читает, сколько надо хранить в открытом виде. **ОДИН ТЫ ТАКОЙ!** Все, я пошла в душ соскрести с себя походную грязь, а ты отправляйся в Sainsbury's **ЗА ГРЕБУЧИМИ ПРОДУКТАМИ.**

– Но я же весь уикэнд разбирал весь этот бедлам на кухне и еще смотрел за Питером! А ведь это твоя работа содержать кухню в порядке, ты же у нас домохозяйка, тем не менее я все сделал за тебя, – запротестовал Саймон. – Давай ты поедешь в магаз за продуктами?

– Во-первых, я не домохозяйка, я строю новую карьеру и работаю на дому, у меня ни минуты нет, чтобы листать журнальчики и сосать конфетки, как какая-нибудь содержанка (ну покривила против правды слегка), так что я не пойму, с чего ты взял, что работа по дому – это полностью моя обязанность. Во-вторых, **МНЕ ПРИШЛОСЬ СПАТЬ В ЧИСТОМ НАХРЕН ПОЛЕ, НА МЕНЯ НАПАДАЛИ КЛЕЩИ, Я РИСКОВАЛА СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ, ГОТОВЯ НА АДСКОЙ ПЛИТЕ ЕДУ ДЛЯ ТВОЕЙ ДОЧЕРИ, ЧТОБЫ У НЕЕ БЫЛИ ПРЕКРАСНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О СКАУТСКОМ ЛАГЕРЕ, ПОКА ТЫ ТУТ РАЗБАЗАРИВАЛ МОИ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАПАСЫ! ТАК ЧТО ТЫ** сейчас у нас пойдешь за продуктами!

Саймон ушел в магазин. Вернулся он в шоке от цен на продукты, так что будет ему уроком, и он не будет впредь разбрасываться едой. Как же хорошо дома. Мне предстоит еще несколько недель такого веселья, пока каникулы не кончатся.

Среда, 10 августа

Сегодня, в отсутствие всяких плодотворных идей о том, как провести день, мы с детьми пошли гулять в парк. Ненавижу парки. Мамочки бегут из дома в парк и тащат туда своих детей, потому что их деточки довели их до такого бешенства, что им нужны другие люди в качестве свидетелей, а то, не дай бог, они сделают что-нибудь ужасное со своими детьми дома. Ино-

гда мне интересно, сколько часов получится в сумме, если сложить все то время, что я провела морозя свой зад на холодных, всеми ветрами продуваемых скамейках в парках, выгуливая своих детей. Наверно, получится удручающее количество безвозвратно потерянного времени. Еще все бояться, что во время беременности заработают себе геморрой, но ни одна сволочь не сказала, что можно насидеть себе такой геморроище, проведя бесконечные часы, дни, месяцы, годы на мокрых и холодных скамейках. Хотя сейчас лето, риск застудить себе все внизу и насидеть геморрой не так велик.

Мне нельзя пересекать священные границы детских игровых площадок, потому что я взяла на прогулку еще и собаку, поэтому мы с Джаджи слоняемся за оградой под грозными взорами мамаш, чьи малыши возятся в песочнице, эти тетki подозревают, что Джаджи так и норовит забежать на площадку, насрать в песочек, а я, вместо того чтобы убрать за собакой, возьму и размажу его какашки по всей площадке, а их детки поскользнутся на них, упадут и разобьются насмерть. Разумеется, я знаю, что за своей собакой надо убирать, и сама осуждаю тех владельцев собак, которые этого не делают, особенно вблизи детских игровых площадок. Просто мне не нравится, как эти мамы начинают шипеть, стоит только моей собаке приблизиться на триста метров к воротам. К счастью, Питер и Джейн уже довольно взрослые, чтобы мне ходить за ними по пятам. Питер вполне способен самостоятельно залезть на турник и сломать себе конечность без моей помощи, а Джейн и Софи так увлечены селфи-съемкой на старенький айфон, который дочь выцыганила у меня, что теперь им никто не нужен, и они залипают у каждого дерева и каждого столба и делают, и делают фотки.

Пока дети развлекали сами себя, я проверила свою электронную почту, там ничего интересного не было – очередной отставной генерал из Нигерии требовал реквизиты моего банковского счета, чтобы перевести на него свои миллионы (интересно, может, придумать приложение, которое будет отсылать этот спам назад самим спаммерам?), в GAP началась распродажа (она там никогда и не заканчивалась. Кто-нибудь когда-нибудь покупал хоть что-нибудь по полной цене в GAP? Может, мне сделать приложение для всех промо-акций в GAP? А, уже есть такое. Вот блин), письмо от рекрутинговой компании. Я хотела удалить это письмо, потому что хоть я очень тщательно заполнила их подробнейшую анкету с указанием предпочтительной сферы деятельности, своей квалификации, опыта работы, зарплатных предпочтений и т. д. и т. п., они наводнили мой ящик вакансиями, которые никакого отношения ни к чему из вышеперечисленного не имели, так еще и находились за тридевять земель и зарплата была там чисто символическая. Но почему-то на этот раз я открыла их письмо, может, потому что хотела произвести впечатление на других мамочек на площадке, что я такая вся занятая и не могу вступать с ними в праздные разговоры, не знаю. Но в этом письме, о чудо! было предложение о работе моей мечты!

Работа была то что надо. Самый горячий за последнюю пятилетку, секси донельзя IT-стартап, расположенный в современном из стекла и солнечного света бизнес-центре, всего лишь в двадцати минутах езды от моего дома, ищет специалиста.

Я часто проходила мимо этого великолепного бизнес-центра и мысленно прижималась носом к надраенному до блеска стеклу, чтобы рассмотреть, что там внутри. Очевидно, что внутри он был так же неотразим (гугл мне в помощь, я изнутри его тоже осмотрела), огромное пространство, залитое светом, заставленное бесконечными рядами белоснежных столов, за которыми работают красивые люди. Окей, красивых людей я придумала, но, мне кажется, все, кто там работают, должны быть суперклевыми в тренде шарящими чуваками в хипстерских очечках и крутых трузерах. Они оперативно решают все вопросы через месенджеры, а не сидят тупо по два часа на митингах, чтобы выяснить про какой-нибудь левый затык на работе, и даже если у них проходят митинги, то они не сидят на стульях за столами, а вальяжно располагаются на... не знаю... типа... как бы... таких мешках на полу. Так, а хочу ли я работать в офисе, где

надо сидеть на мешке? Мне же уже сорок два. Смогу ли я изящно подняться с такого мешка? Так. Если у них нет мешков, то я хочу у них работать.

И я буду работать над какими-то интересными, трудными, но такими мотивирующими проектами, что совсем не похоже на то, чем я занималась на старой работе, типа того, как запугивала бедолагу Эда из бухгалтерии, что нет, технически невозможно удалить все следы, после того как ты «случайно» залил жесткое порно со своего компа на общий сервер (в припадке садистского удовольствия я ему сказала, что все его действия в интернете отслеживаются, и даже если ты выбросил старый комп в реку и купил новый, то все равно в интернете об этом узнают все, включая твою жену, которая при желании может отследить, чем ты там занимаешься в интернете).

Зарплата приличная, что очень и очень кстати, потому что компенсация с прошлой работы уже кончилась, а я не люблю сидеть без денег. Понятно, что у нас с Саймоном есть общий счет в банке, и я всегда перечисляла туда свою долю, потому что сама идея, что мне придется зависеть от Саймона, вставала мне поперек горла. Единственным минусом этой вакансии был полный рабочий день.

Полагаю, мне не надо было торопиться и надо было обсудить все, включая полный рабочий день, с Саймоном, но я была так возбуждена от того, что стою на пороге работы своей мечты (и мысленно уже распределила, куда потрачу свою первую зарплату), что тут же оповестила агентство, что готова откликнуться на эту вакансию. Боже, какое это будет блаженство, если я получу эту работу! Дети ведь уже ходят в школу и проводят там большую часть своего времени, моя шикарная зарплата должна покрыть расходы на продленку и что там еще потребуется. Я плюю через левое плечо, стучу по дереву, зажимаю кулачки и что там еще надо зажать, чтобы не спугнуть удачу... замуриваюсь и надеюсь на лучшее. Вот такая я неизлечимая оптимистка по жизни.

Суббота, 20 августа

Я хорошо отдохнула, перезарядила свои батарейки и готова ко всему после волшебного, расслабленного семейного отпуска с замечательными детьми и любимым мужем. Боже, как мы чудесно провели время! Уж как мы там веселились! Как мы резвились! РЕЗВИЛИСЬ! Когда-нибудь мои дети оглянутся назад на эти озаренные золотыми лучами солнца деньки, нежная улыбка заиграет у них на лицах от #счастья, когда они вспомнят, как беззаботно бегали по песчаным пляжам Корнуолла, ветер трепал их шевелюры и со вкусом составленные трикотажные ансамбли, и вся жизнь еще впереди. По крайней мере, так это выглядит у меня в инстаграме, по фоткам и не скажешь, что я провела очередной чудовищный отпуск, в котором только и делала что стирала, варила на чужой кухне, где все ножи блин тупые и неудобные, и ругалась, на чем свет стоит. И почему в таких семейных гостиницах ножи никогда не наточены? Неужели хозяева боятся, что их постояльцы могут не выдержать прессинга, оттого что им надо выжать из этого отпуска максимум прекрасных и чудесных воспоминаний #напамять, и в какой-то момент кто-нибудь из жильцов может взять и перерезать всю семью наточенными кухонными ножами, потому что невозможно больше терпеть постоянное нытье, что все едут в кемпинги Center Parcs, а мы как дураки едем в Корнуолл (потому что мы средний класс, дорогуша, у нас свои претензии на уровень сервиса), может быть, мы поедем в Center Parcs на следующий год (нет, дорогуша, не поедем, потому что твой папа терпеть не может Людей). Нытье на этом не кончается и теперь они стонут, почему нет вайфая (потому что мы здесь, чтобы общаться друг с другом, а не со своими планшетами, милая моя, да, мама выезжала в город в поисках 4G, но только для того, чтобы запостить фото в инстаграм, должны же остальные знать, что мы здесь замечательно проводим время. Мы ПРОВОДИМ время замечательно. ТАКИ ДА, ЗАМЕЧАТЕЛЬНО! МЫ ПРОВОДИМ ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ВРЕМЯ, ПОТОМУ ЧТО Я ТАК СКАЗАЛА,

И ВСЕ, ЧЕРТ БЫ ВАС ПОДРАЛ ВСЕХ! Нет, не дам я тебе свой телефон, чтобы поиграть в Pokemon Go. Да потому что, нет и не было в Корнуолле никаких покемонов. Ну зачем мне тебе врать, сынок, разве мама тебя когда-нибудь обманывала?)

Если бы я не знала, что каждый приукрашивает свою действительность, прежде чем выложить ее в соцсети, я и сама тому не исключение, то можно было бы подумать, глядя на все эти посты, что каждый ребенок в Британии проводит все летние каникулы в залитой солнцем волшебной стране детства, прям как в книжках Энид Блайтон, хохоча и резвясь на берегу моря, строя замки из песка, бегая по ковру из луговых цветов, запуская в голубые небеса воздушных змеев, и все это под счастливым взором любящих родителей. Если посмотреть мой фейсбук и инстаграм, то мои дети только этим и занимались все летние каникулы.

Однако мы вернулись домой, усталые и злые после долгой дороги, пропесоченные настолько, что песок сыпался не только из нас, но и из машины, из чемоданов и из всех складок одежды. Чтобы перестирать горы этих вещей, мне потребуется столько же времени, что мы провели на отдыхе в Корнуолле, так что непонятно, зачем тебе отпуск, если после него тебе нужен еще один отпуск, чтобы отойти от последствий первого. Но с другой стороны, у меня есть несколько премилых фоток на память о детских каникулах, которые будут радовать глаз и согревать сердце, когда дети вырастут и покинут родное гнездо, а я постарею-поседею и останусь один на один с этими фотографиями. Мне даже удалось заснять тайком Саймона, и на этой фотке он не корчит рожи, как обычно, когда видит, что я нацелила на него камеру. Так вот почему дети не любят фотографироваться, это у них от отца!

Мы ехали домой, и тут мне позвонили из агентства и сообщили, что меня приглашают на собеседование на Работу моей Мечты! Саймона это не впечатлило, он со вздохом бывшего работодателя сказал, что приглашение на собеседование – это еще не предложение работы, так что мне не стоит чересчур надеяться. Пошел ты к черту! Нет чтобы поддержать жену, он всегда подсунет свою ложку дегтя. Хоть бы раз сказал что-нибудь ободряющее, хоть бы когда поддержал мои начинания, так нет же, всегда укажет на самое плохое и всегда каркает, что ничего у меня не выйдет. Хоть чуток поддержки, чуточку веры в мои силы. Разве я многого прошу? Да пошел он со своей унылой рожей и упадническими настроениями! Надо еще решить, в чем идти на собеседование.

Просто удивительно, но растение в горшочке до сих пор живо, хоть его не поливали целую неделю!

Пятница, 26 августа

Сколько там недель уже прошло? Время будто остановилось. Когда там уже в школу? Эти каникулы когда-нибудь закончатся или нет? Я уже всякую надежду потеряла. Единственная радостная новость – это приглашение на собеседование и, как следствие, перспектива стать авторитетной и важной персоной в корпорации, вместо того чтобы только кашеварить и разнимать дерущихся детей. Сегодня я предложила весело провести время за постройкой шалаша в саду. Дети уставились на меня в полнейшем недоумении, как будто я им предложила какое-то гадкое занятие, типа наложить себе в руки и растереть. У них была встречная идея, только получше: почему бы не устроить бой на водяных пистолетах, ведь на улице так жарко? Я всегда против таких травмоопасных игр, потому что играть в догонялки, вооружившись водяным пистолетом, – это прямой путь в травмпункт с переломом и кровотечением в худшем случае, с ушибом и ссадинами в лучшем, но мне не хватило сил довести свою аргументацию до победного конца, и потому я сдалась.

Через десять минут, в течение которых стоял дикий ор и было вылитое немало воды, дети замерзли и заскучали, а потому вернулись в дом, занеся с улицы всю грязь, воду, траву, в которых извалялись как поросята. Перепачкав все чистые полотенца в доме и переодевшись

полностью во все чистое, дети подумали: а почему бы не поиграть в новую забаву на водной дорожке Слип-н-Слайд?

Я им не разрешила играть на Слип-н-Слайде, нам и так повезло, что после войнушки на водяных пистолетах никто не пострадал, и потому я не хотела искушать судьбу и вытаскивать на свет божий эту пластиковую водяную дорожку, которую точнее назвать Шлеп-Упал-Очнулся-Гипс. В качестве альтернативы я предложила им поиграть в саду: там есть уродский желто-голубой трамплин, на котором можно прыгать до упаду (что он зря простаивает в моем саду?), можно поиграть в свингбол, можно просто почитать книжку под деревом, можно делать все, что заблагорассудится, но только на свежем воздухе, в саду, а не дома, уткнувшись в планшет. И потом, я не собираюсь никуда их везти и тратить деньги на развлечения. Они могут делать все что угодно, бесплатно, в саду, и точка.

Сказав это, я вернулась в дом, села за комп под предлогом, что мне надо «поработать». Я им так и сказала: мама «работает». На самом деле я забила в поиск «крутой прикид для собеседования» (поиск выдал фотки тощих стерв в облегающих узких жакетах на голое тело и на высоченных шпильках), мне нужны были идеи, как показать себя прожженным профи и вместе с тем не отстающей от молодежной моды. Интересная деталь: все бабы на этих фотках держали в руке стаканчик кофе – это что теперь, обязательный аксессуар? Меня не воспримут всерьез, если я заявлюсь на собеседование с пустыми руками? Без большого стакана соевого латте? И потом, я думала, что все эти крупные сетевые кофейни сейчас перешли в разряд порицаемых общественным мнением, ибо они увиливают от налогов. А вдруг я приду не с тем кофе, не из той кофейни, меня что, сразу вычеркнут из списка соискателей и даже не дадут слова сказать в свою защиту? Может, просто взять бесплатный кофе в супермаркете Waitrose? У Waitrose хорошая репутация? ВОТ БЛИН! Знаю только, что Waitrose – это средний класс. Все эти мысли и мелкие заботы кружились вихрем у меня в голове, когда спустя полчаса или около того я прислушалась, что там на улице, и мне стало страшно. Там было подозрительно тихо. Мои бесценные детки и тишина несовместимы, если только не происходит что-то ужасное. Я распахнула дверь настежь и увидела на дворе спокойно сидящую Джейн, разматывающую пружинку от йо-йо.

– А Питер где? – с тревогой спросила я.

Джейн пожала плечами.

– Ненаю.

– Его тут нет? Он не с тобой? Он куда-то пошел?

Джейн опять пожала плечами, пробурчала, что, может быть он в доме, уткнулся в айпад, и тогда это нечестно, потому что она, Джейн, послушно сидит на улице и играет на свежем воздухе, и потому она заслуживает больше времени за айпадом, чем Питер, плюс еще бонусное время за то, что она такая послушная девочка. Я не дослушала нудное ворчание Джейн и метнулась в дом в поисках Питера. Кричала и звала – безрезультатно, его дома не было. Ни в комнате, ни в гостиной, ни в туалете, ни даже в комнате у Джейн, иногда он туда забирается, чтобы стибрить что-нибудь у нее втихаря.

– ДЖЕЙН! – крикнула я. – Ты уверена, что не видела, куда он пошел?

Джейн отпиралась, что не видела, и тут же попыталась отвести от себя всякую ответственность за то, что могло произойти с Питером, сказав, что она ни в чем не виновата.

Меня обуял холодный ужас. Мозги лихорадочно выдавали статистический отчет о том, что с ним ничего плохого не случилось, и шансы на это велики, но вся иррациональная часть моего сознания вопила, что мой малыш пропал, и если придется давать показания в полиции, я даже и не помню, во что он был одет, потому что они переодевались несколько раз за сегодня, меняя мокрую одежду на сухую.

Ну почему я не разрешила ему играть на Слип-н-Слайде? Уж лучше бы мы провели остаток дня в травмпункте и вправляли бы перелом, чем то, что мне рисовало мое встрево-

женное воображение, – утонул в пруду; какая-то машина без номеров остановилась, забрала моего ребенка и увезла в неизвестном направлении; молодой водитель на спортивной машине вовремя не среагировал на маленькую фигурку, выскочившую на проезжую часть вслед за мячом. Судорожно вспоминала, нет ли в округе канализационных люков, куда он мог провалиться. Джаджи сможет взять его след? Нет, наверное. Он терпеть не может Питера, и это взаимно.

Со всеми этим тревожными версиями я выскочила на улицу, побежала по ней, выкрикивая как можно громче его имя и в то же время пытаюсь соблюдать приличия и не впадать в панику. Его не было в поле моего зрения минут пятнадцать максимум – этого недостаточно, слишком рано звонить в полицию. Услышав мои крики, соседка Кэти, добрая душа, тоже вышла на улицу, я тут же ей все выложила.

– Господи! – испугалась она. – Я помогу тебе в поисках. Только девочек своих возьму, и мы пойдем по одной стороне улицы, а ты иди по другой, если крики не помогут его найти, то будем стучать во все двери. Он найдется, Эллен, ты не переживай!

Я кивнула, не в силах ничего говорить, потому что была на грани истерики, и помчалась в другую сторону, Джейн хвостиком бежала за мной (ее я не отпускала теперь от себя, довольно того, что один ребенок пропал, если еще и она потеряется, то грош мне цена как матери).

Я добралась до конца улицы, от криков и страха голос у меня сел, и тут дверь дома 47 открылась и оттуда появилась Карэн Дэвисон, вид у нее был весьма удивленный.

– Питер у нас! – сказала она. – А Вы не знали?

– Нет! – поперхнувшись, едва смогла я сказать. – Я думала, он у нас в саду играет, но потом он исчез.

– Он у нас, барахтается с моими внуками на Слип-н-Слайде, – сказала она. – Он играл у вас во дворе перед домом, а мы шли домой из магазина, и мальчишки пригласили его к нам поиграть. Я ему сказала, чтобы он отпросился у Вас, он пошел в дом и потом вышел оттуда с плавками, сказал, что ему разрешили, ну я и подумала, что Вы в курсе.

Я была так рада увидеть Питера живым и здоровым, не валяющимся где-нибудь на дне канализации, что сердиться на него в тот момент за то, что он ушел без спросу из дому, я была не в силах. Я обняла его и не отпускала (зря я это сделала, конечно, потому как он был весь мокрый), и тут я расплакалась и запричитала: «Не делай так больше никогда, слышишь? НИКОГДА ТАК БОЛЬШЕ НЕ ДЕЛАЙ! Я так перепугалась!»

– Прости, мамочка, – ответил Питер. – Я думал, что можно, ведь это недалеко. Я не хотел тебя пугать.

– Я так испугалась, я же тебя так люблю, – причитала я.

– Я тоже тебя люблю, мамочка. Я не буду тебя больше так пугать, клянусь, мамочка.

Боже мой, я чуть не потеряла ребенка, потому что слишком увлеклась выбором сорта кофе, который возьму с собой на интервью! Что я за мать такая? Может, не надо даже и думать возвращаться на работу, а просто стать обыкновенной матерью и заниматься воспитанием детей, мастерить с ними поделки – хоть я и ненавижу это занятие, – посвятить все свое время детям, чтобы возместить все то, что пропустила, пока работала, в надежде, что они не станут жертвами моего эгоизма. Сейчас, глядя на них, не скажешь, что они так уж травмировались, скорее это я, кто тут сегодня травмировался, но, возможно, это только поверхностное впечатление, и их психотравмы проявятся намного позже, когда им стукнет лет тридцать и они прибегнут к психотерапии и обнаружат, что все их проблемы начинаются с матери и ее неумелого воспитания.

Ни Джейн, ни Джаджи даже ухом не повели, когда мы с Питером благополучно вернулись домой.

Сентябрь

Понедельник, 5 сентября

Фуухх! В ЭТУ ПЯТНИЦУ будет собеседование! До сих пор не знаю, что надеть, но думаю, мне нужно сосредоточиться не на том, в чем пойти, а на том, что я там буду ГОВОРИТЬ. Я уже тысячу лет не ходила по собеседованиям. Что там надо говорить? Господи, придется притворяться, что у меня, как у всех нормальных людей, есть хобби, постараться не брякнуть ничего лишнего и уж точно не распространяться о противопоставленных больших пальцах у выдр – это мой любимый конек, когда не знаю, что сказать, говорю о выдрах. Понятно, что о выдрах говорить на собеседовании можно, только если ты хочешь получить работу в заповеднике, где разводят выдр. (Если подумать, такая работа для меня – не работа, а мечта. Выдры мне нравятся, и я частенько высказывала желание завести себе выдрочку и держать ее в ванне. Саймон такие мои хотелки даже не устаивает ответом, но я столько раз пересматривала старый фильм «Круг чистой воды», что идея держать выдру в ванне кажется мне вполне осуществимой – кормить можно лососем. Буду покупать по акции в супермаркете. Что-то меня опять понесло не туда, вот я и нервничаю, вдруг на собеседовании такая же фигня случится?)

А когда я выхожу после собеседования, то не могу вспомнить, что я там несла в ответ на вопрос: «Почему Вы считаете, что нам следует взять на эту работу именно Вас?» Очень надеюсь, что я говорила правильные слова типа умения, квалификация, сфера интересов, командная работа. Но я вполне могла сморозить что-нибудь типа «Потому что мой хозяин и господин, Великий Ктулху, так соизволил повелеть. Я принесла в жертву черного петуха, жрец осмотрел его внутренности и на печени обнаружил тайные знаки, посему я здесь». Вполне могла такое ляпнуть. Такое со мной часто случается. Например, я иду голосовать на выборы, хоть я и перепроверяю несколько раз, куда надо ставить галочку, но как только опускаю бюллетень в урну, то меня накрывает сомнение, а туда ли я ее поставила, и потом переживаю, а что если от моего голоса зависит будущее западной цивилизации, и когда начнут пересчитывать голоса и окажется, что я по невнимательности поставила галочку не туда, то все тогда полетит в тартарары, и все это случится ИЗ-ЗА МОЕЙ ОПЛОШНОСТИ!

Я пыталась поделиться своими страхами и опасениями с Саймоном, но он все еще не верит до конца, что я пойду работать на полный день.

– В толк не возьму, зачем тебе работать на полную ставку? – воскликнул он. – Разве не будет лучше для детей, если ты будешь парт-таймером, будешь успевать помогать им с домашней и по дому что-то делать, варить там, стирать? Мне не нравится, что дети будут сидеть одни дома под замком.

– Да не будут они сидеть под замком. Когда они были совсем маленькими, я работала парт-таймером только потому, что это помогало сэкономить на бебиситтерах, и да, тогда мы считали, что для детей будет лучше, если один из родителей будет с ними, приглядывать за ними хотя бы время от времени. Но сейчас они ходят в школу и проводят там почти целый день, а через год Джейн закончит началку и пойдет в среднюю школу. Они уже не малыши, я им не нужна все время, да и дальше они будут нуждаться во мне все меньше и меньше, но тогда, вполне вероятно, такого шикарного шанса мне не выпадет, так что мне нужно пользоваться им сейчас.

– Ну почему именно сейчас? Подожди еще немного, пусть они еще подрастут, пока выйди на парт-тайм, потом найдешь что-то постоянное. Мне кажется, что ты исходишь не из интересов детей.

– Мне нужна эта работа! Я не хочу еще одну временную подработку, только чтобы перекаптоваться. Старая работа была только для того, чтобы мы смогли сводить концы с концами, пока дети маленькие. За последние одиннадцать лет единственное, что я делала интересного и запоминающегося, так это приложение «Почему мама хочет напиться», и если мне не изменяет память, она же и принесла нам какие-то деньги. Но теперь, если ты заметил, дети уже подросли, и мне бы хотелось заняться чем-то более интеллектуальным и стимулирующим, нежели сидеть в техподдержке и отвечать на однотипные тупые вопросы или же объяснять какой-нибудь Джин из отдела поставок на доступном ей языке, что компьютер не может «ненавидеть ее» и уж тем более не может «съесть ее файлы». Почему мне возбраняется заниматься тем, что мне интересно? У меня что, не может быть амбиций и желаний? Вот ты, например, всегда ли берешь в расчет интересы своих детей, когда делаешь очередной карьерный выбор, или же ты исходишь из своих личных интересов?

– Ну, знаешь ли, минуту назад ты признавалась, что вершина твоих амбиций – это запустить выдру в ванну, – наехал на меня Саймон, – так что прости меня, если я не буду поддерживать тебя в твоих заоблачных мечтаниях. И, конечно же, я всегда исхожу из того, что будет лучше для детей, – нагло соврал он. – Просто я считаю, если оба родителя будут работать полный день, то это слишком, вот и все.

– Что же, дорогой, – ответила я, – если тебя так уж беспокоит благополучие детей, то у нас есть простое решение.

– Какое же?

– Ну, если я получу эту работу, то буду зарабатывать столько же, сколько и ты. Поэтому, если тебя так уж сильно заботит, что дети не видят родителей, которые пашут полный день, то, может быть, ты тогда перейдешь на полставки и в свободное время будешь заниматься домом и детьми?

Саймон аж побледнел от такого неожиданного поворота.

– Эээ, ну, это, вообще-то я не против, хотя зачем такие крайности, зачем мне уходить на полставки? Если тебе так уж хочется получить эту работу, то, конечно, я только за. С детьми ничего не случится, я уверен.

– То-то же, спасибо, дорогой, – мило ответила я.

Вторник, 6 сентября

Ха, ха, ха. Я ГОТОВА! Приз – в студию!

Школьная форма куплена, с боем, но без жертв.

Многочасовые очереди за обувью в Clarks были с честью (по правде говоря, нет, потому что приходилось убивать взглядом тех бессовестных родителей, которые пытались пролезть без очереди) выстояны, баснословные суммы денег выложены за новенькую сияющую школьную обувь, которая на следующий же день будет растерзана, замызгана грязью и истоптана в хлам, так что я все время задаюсь вопросом, нафига я трачу сто пятьсот квадриллионов фунтов на то, чтобы тщательно подобрать размер и чтобы новая обувь не жала, не давила, не деформировала нежные стопы моих бесценных деточек, чтобы в будущем у них не было ортопедических проблем, и они легкой походкой двигались вперед, навстречу светлому будущему, в то время как эти самые бесценные деточки плевать хотят на эту самую обувь и убивают ее в первые же дни. А ведь я могла бы сэкономить и деньги, и время, если бы купила за десятку какую-нибудь обувь поплоче в ближайшем супермаркете.

Спортивная обувь, кроссовки, форма для физкультуры – все приобретено. Школьные портфели, пеналы, бутылки для воды и вся канцелярия, до которой дотянулись своими жадными ручонками мои прилежные школьники, были куплены тоже, хотя они продолжают ныть

и жаловаться на вселенскую несправедливость, потому что я не купила им этот чертов ластик, а я и не собираюсь отваливать 5,99 фунтов за какой-то кусок резины!

Я стерла пальцы в кровь и на руках моих мозоли, оттого что пришлось нашивать до хрена шевронов и тесьмы с их именами на всю ту одежду, которую они могут носить в школу в течение года. А это все я, со своим неумным материнским энтузиазмом. Когда Джейн пошла в первый класс, я заказала у добрых людей в империи ярлыков, нашивок и выколачивания денег из наивных родителей по пятьдесят метров именной тесьмы для КАЖДОГО ребенка, мысленно радуясь, как стильно будут выглядеть мои детки в школьной форме, на которой красуются их именные шеврончики (зеленый у Джейн, голубой у Питера, с динозавриком у Джейн, с паровозиком у Питера), но я же забыла тогда, что шить не умею, и более того, ненавижу, меня хватает на несколько минут, а потом я теряю терпение, матерюсь и забрасываю шитье подальше в угол. Так еще, только представьте, сколько раз можно вместить имя ребенка на тесьме длиной в пятьдесят метров? До хрена и больше – вот сколько много раз! Им хватит еще на университет, на больничные халаты, на одежду для дома престарелых, а еще можно их саваны украсить этими именными шевронами, чтобы Харон их ни с кем не спутал, когда будет на лодке перевозить.

На следующий год я решила, что закажу специальный штампик, – есть такое грамотное изобретение, чтобы просто штамповать их имена на всем, что можно и не можно. Повторяю я себе это каждый год, и каждый год забываю, поэтому все заканчивается тем, что я сижу и шью, кроя матом эту тесьму, эти белые рубашки, на которые капает кровь из исколотого пальца, эту школу, даю себе зарок на следующий год не забыть купить этот чертов штампик. Вообще-то я могла бы заказать этот штамп прямо СЕЙЧАС, не откладывая до следующего года, но учитывая, сколько я уже сделала нашивок и сколько у меня еще в запасе этой дебильной тесьмы, я отбрасываю эту мысль как излишне расточительную.

Ну, с этим покончено. Большей частью. Хорошо, хорошо, всего три пришила, но потом посмотрела на оставшуюся гору одежды и вспомнила, что «жизнь слишком коротка», чтобы тратить ее на нашивки, налила себе вина, достала перманентный маркер для тканей и просто подписала всю остальную одежду. Я так делаю каждый год, наверно, поэтому именная тесьма никак не закончится.

Будильник заведен на ранний и бодрый подъем следующим утром, завтра начинается еще один учебный год. Очень надеюсь, что уж в этом-то году в моих чудесных детях проснутся их дремлющие таланты, и они проявят себя в учебе так, что я буду чуть ли не лопаться от гордости и бесстыдно похвалиться их достижениями, когда буду общаться с другими мамами на площадке перед школой, но учитывая, что я с трудом примиряюсь с фактом, что мне скоро стукнет сорок два (СОРОК ДВА! Как же быстро катит в глаза чокнутая старость, хоть я и пытаюсь отодвинуть ее приближение чудовищно дорогими кремами, которыми мажу лицо каждый день), а я по сию пору не обнаружила в себе хоть какой-нибудь маломальский талант, то, наверно, я зря надеюсь.

Когда я зайду к деткам перед сном пожелать спокойной ночи, надо глянуть на их чудесную новенькую школьную форму и запомнить, как она выглядит, потому что так она будет выглядеть в первый и последний раз в году, накануне первого учебного дня. Спустя всего лишь неделю эти белоснежные рубашки-поло превратятся в захватанные и заляпанные всевозможными пятнами тряпки, а когда я выну их из стиралки и попрошу развесить, то, скорее всего, они будут валяться на полу в детской или их просто запихают в шкаф, игнорируя мои просьбы сложить все аккуратно и положить на полочки в комод. Мне еще хватает ума не гладить их форму, хотя раньше я и порывалась это делать, но теперь меня отпустило, и я просто покупаю форму из ткани, которая «не требует глажки».

Среда, 7 сентября

Ну, сегодня все прошло более-менее нормально. Питер и Джейн все лето запросто просыпались в шесть утра, почему они это делали, мне невдомек, наверно, просто чтобы бесить меня. Они с грохотом сбегали со второго этажа, как стадо бешеных слонов, и затевали в гостиной драку из-за айпадов (потому что нечестно, что кому-то достанется айпад поновее, а кому-то надо смириться с айпадом постарее, хотя никакой нафиг разницы нет, на каком смотреть эти дурацкие мультики на Netflix). Но сегодня утром, когда им надо было рано встать и нормально собраться в школу, потому что как первый день начнется, так и пройдет весь учебный год – разумеется, именно сегодня утром их было не добудиться!

Пришлось насильно вытаскивать их из кроватей, они сопротивлялись и извивались как ужи, ныли, что устали и спать хотят, на что я им отвечала, что спать они хотят, потому что не послушались меня и не легли в кровать вчера вечером тогда, когда им говорили лечь спать. Вместо этого они два часа только и делали, что просили попить, то просились в туалет, то бегали ко мне, чтобы сказать, что им не спится, и я уже в шестой раз загоняла их в кровать и орала, что **КОНЕЧНО** им не спится, потому что они бегают по дому и не дают никому заснуть, и если бы они не вскакивали с постели каждые пять минут, а просто спокойно лежали, то, может быть, им удалось бы как-нибудь заснуть нахрен. А что еще больше раздражало, так то, что они не давали мне нормально посмотреть «Игру престолов», потому что как только там наклеивалась постельная сцена, так кто-нибудь из детей обязательно заходил в комнату. И, конечно же, я поступаю нехорошо, что отсылаю их спать так рано, потому что, как меня в очередной раз проинформировали мои дети, **ВСЕ ДРУГИЕ** дети в классе сами решают, когда им ложиться спать, и могут сидеть допоздна, а еще их мамы разрешают им смотреть взрослые фильмы и даже играть в Call of Duty. Как бы то ни было, сегодня утром мои драгоценные детки могут сколько угодно протестовать и жаловаться на усталость и сонливость, сочувствия и понимания от меня они не дождутся.

Тем не менее мне удалось накормить завтраком, умыть и одеть своих ангелочков (ну, на самом деле я их, конечно, не мыла и не одевала, в их возрасте – одиннадцать и девять лет, – предположительно, они вполне способны делать это сами; от меня требовалось заскакивать к ним в комнату и орать, чтобы они **ОДЕВАЛИСЬ**, а то Питер отвлекался на Lego, а Джейн колу-палась в поисках нужной пары носков), и мы были готовы (почти), и даже оставалось время, чтобы сделать обязательный снимок Первого Дня учебного года.

Для фото первого дня, каждый родитель поймет, надо найти не самый засратый угол в доме и загнать туда детей, подбадривая их криками **«УЛЫБОЧКУ, детки, ПРОСТО УЛЫБНИТЕСЬ НАХРЕН. Мне от вас нужна одна только фотка, всего лишь одна, чтобы отправить вашим бабушкам и дедушкам, пусть старички порадуются на своих замечательных внуков. А еще выложить ее на фейсбуке, чтобы народ знал, как я люблю своих детей! Ну, давайте уже, встаньте прямо и УЛЫБНИТЕСЬ, смотрите на меня и улыбайтесь одновременно. Оба смотрим на меня. Оба улыбаемся. Глаза не закрывайте! Как ты можешь смотреть на меня, если у тебя глаза закрыты! Так, открой глаза и УЛЫБАЙСЯ! БОГОМ прошу, улыбайтесь, мать вашу!»**

Некоторые родители даже изготавливают плакатики и дают их в руки своим детям, на плакатике написано, в какой класс они идут, и еще какая-нибудь банальная фраза типа «Снова в школу», а потом эти родители засирают все соцсети постами о том, как они **#счастливы** и хотят сохранить эти мгновения и фото **#напамять**, а потом начинают скулить, что каникулы так быстро пролетели и **#сердцематери** не выдержит разлуки с **#малышом**, который **#такбыстрорастет**. Я к таким мамашам не отношусь. Подозреваю, что у меня начисто отсутствует **#сердцематери**, потому что, когда после шести долгих недель летнего ужаса, во время которого мы

пытались отдыхать и делать фото #напамять, и все заканчивалось слезами и растаявшим мороженым, они наконец возвращаются в лоно школы, уж точно не грусть-тоска меня снедает.

В этом году мне было особенно важно сделать хороший снимок Первого Дня первой четверти, потому что а) в прошлом году я забегалась и забыла, и пришлось имитировать первый день на второй день, с подкупом детей не говорить бабушке и дедушке, что им отправили снимок «второго дня» (а то они бы сами не догадались, обувь то уже была поцарапанная) и б) как это ни удивительно, Джейн в этом году заканчивает начальную школу. Сама не верю. Все вокруг твердят «они так быстро растут», и мне всегда хочется возразить: «Да неужто? Что, правда? Мне кажется, что они вообще никогда не вырастут, то есть совсем. Боюсь, я всю оставшуюся жизнь буду только и делать, что запрещать играть с мячом в доме, вычесывать окаменевшие кусочки рисового пудинга из волос, и больше ничего другого в моей жизни не будет!» Но если задуматься, вроде недавно я считала дни до того момента, когда Джейн пойдет в ясельную группу, а вот теперь она заканчивает начальную школу и на следующий год пойдет в среднюю!

После сотен снимков, на которых дети строили рожи и гримасничали и которые у меня рука не поднялась удалить, ведь это же #первыйдень, наконец мне удалось поймать кадр, который отдаленно отвечал моему представлению идеального первого дня, и после очередной перепалки с Джейн, почему ей нельзя заводить инстаграм-аккаунт (потому что можно только с тринадцати лет! Тебе есть тринадцать? Нет? Вот и все, значит, нельзя! Мне плевать, что у всех в классе уже есть! Все пойдут с крыши прыгать, ты тоже пойдешь? Вот и все, я не разрешаю!), мы были готовы выйти из дома, потому что уж в первый день учебного года даже такая несообразная мать, как я, и то постарается не опоздать в школу.

Саймон, как всегда, не смог присоединиться к нам в первый день учебного года, потому что ему, как назло, опять надо было бежать на работу по очень важному и срочному делу. Я всегда поражаюсь, как так получается, что всегда, когда надо принимать участие в школьных мероприятиях, у Саймона тут же находится очень важное и срочное дело, и потому мне приходится идти с детьми одной. На таких мероприятиях я непременно громко говорю к месту и не к месту «А ВОТ МОЙ МУЖ», но поскольку за все эти годы мой муж так и не материализовался и никто его не видел на школьных собраниях, то и упоминать его все стало лишним, а то все учителя подумают, что у меня большое воображение и чувство ущербности, как у старой девы из 1950-х годов, которая при каждом удобном и неудобном случае говорит о каком-то фантомном муже и носит обручальное кольцо, чтобы произвести впечатление замужней дамы.

Итак, в школе детей быстренько разобрали по классам – у Питера новенькая молоденькая классная руководительница, практикантка, судя по ее тоненькой фигурке в обтягивающем свитерке с глубоким вырезом, на родительских собраниях должны появиться папы и отбоя от их добровольного участия в разных школьных мероприятиях быть не должно, у Джейн тоже новый классный руководитель – подумать только, учитель-мужчина в начальной школе. Хотя мужчина – это громко сказано. По правде сказать, скорее учитель-юнец – когда я его увидела на площадке перед школой, мне он показался учеником шестого класса.

Боюсь, что такое будет происходить со мной чаще и чаще. Сперва мне будет казаться, что учителя помолодели, потом я буду удивляться, какие же полицейские пошли юные и безусые, и наконец, буду требовать, чтобы мне предоставили «нормального врача», потому что я сомневаюсь в квалификации и профпригодности этого молокососа. Такое уже со мной случилось в ветеринарной клинике – в последний раз, когда мы с Джаджи ездили к ветеринару, я до конца не поверила, что юноша, который представился доктором и вел прием, и есть настоящий ветеринар. Я конечно потом поняла, что он врач, потому как он воскликнул, глядя на моего пса, «Ну, что тут у нас за холосенький масенький терьерчик!» Любой, кто видит, что мой песик самый лучший и красивый пес на свете, сразу в моих глазах становится толковым и знающим специалистом.

Четверг, 8 сентября

ЁКЛМН ЁПРСТ. Собеседование уже завтра. ЗАВТРА. А я еще нихрена не готова – и о чем я только думаю? Чем я могу привлечь такую крутую, футуристическую, космическую компанию? Им не нужны старые кошелки, как я, которые уже ворчат, что учителя-врачи-полицейские так молоды, им нужны работники прямо со школьной скамьи. Но хотя бы после продолжительных поисков в интернете я нашла, в чем пойти на собеседование. Придется залезть на шпильки, потому что я пыталась примерить на себя имидж миллениала, то есть коротенькие брючки и броги до щиколоток, но выглядела я в них так, как будто одевалась в темноте и не могла найти носки и по ошибке натянула брюки младшей сестры. Девушки из Pinterest так не выглядят. Блин, я даже не могу одеться как миллениал, как же, черт возьми, я буду с ними работать?

Я прошарила всю информацию о компании, прорепетировала все возможные политически корректные ответы, да кто ж знает, какие вопросы сейчас задают на собеседованиях? Может, их не интересуют мои сильные и слабые стороны. (Конечно же, я командный игрок, но иногда я страдаю от перфекционизма – ха, ха, очень смешно! Кто будет выкладывать о себе всю правду на собеседованиях? «Моя суперспособность – это спать с открытыми глазами на рабочем месте, создавая впечатление кипучей и бурной деятельности, в то время как мозг у меня отключен, а моя слабость в том, что я не могу ходить в туалет, если в соседней кабинке кто-то сидит, потому что я всегда боюсь, что не удержусь и перну, и все услышат и будут обзывать меня пердуньей, и потому я провожу очень много времени в туалете, дожидаясь, когда все кабинки будут пустыми, даже если мне нужно только отлить».) Будет ли им интересна такая информация? Может, у них фишка в нестандартности мышления и гадании на кофейной гуще (ах да, еще один мой плюс – три года подряд я была чемпионом офиса по игре в мемное лото) или они будут задавать несерьезные вопросы типа «каким бы деревом Вы были, если б Вы были деревом?» или «какое животное Вам ближе: белка или енот?», но которые высвечивают психологические глубины вашего сознания.

Кэти, соседка через дорогу, зашла ко мне на кофе перед тем, как идти в школу забирать первоклашку Лили, свою старшую девочку.

– Так странно дома, когда Лили нет, – сказала Кэти. – Только я и Руби. Не могу понять почему, ведь раньше, когда Лили была в садике, мы тоже оставались с Руби вдвоем дома, но сейчас как-то по-другому. Не верится, что Лили пошла в школу. Она выглядела такой взрослой, когда заходила в класс!

– Ага, я знаю, о чем ты, – ответила я. – Сейчас смотришь на нее и думаешь, какая же она взрослая, но через несколько лет посмотришь на других первоклашек и тебе покажется, что они такие малявки и что им рано еще идти в школу.

– Дети так быстро растут, – со вздохом сказала Кэти, а потом как заорала: – РУБИ! РУБИ! ОТОЙДИ ОТ СОБАКИ! Я СКАЗАЛА, ОТОЙДИ! НЕ ТРОГАЙ ТАМ СОБАКУ! НЕ ТЯНИ ЕЕ ЗА ХВОСТ! ОНА ТЕБЯ СЕЙЧАС УКУСИТ! ТЫ С УМА СОШЛА, ЧТО ЛИ! Боже, забудь, что я до этого сказала. Не так уж быстро они и растут. РУБИ! ОТОЙДИ, СКАЗАЛА, ОТ СОБАКИ! ЗАЧЕМ ТЫ НАЛИЛА НА НЕЕ СОК? Боже, и когда они уже вырастут?

– Кэти, как думаешь, я могу закосить под миллениала? – с надеждой спросила я.

– Ну, миллениал – понятие растяжимое, – любезно ответила Кэти.

Пятница, 9 сентября

Великий День наступил. День, от которого зависит все. Мне удалось выйти из дома и ничего на себя не пролить и ни в чем не запачкаться, что просто удивительно.

В расчетное время до места назначения я включила заход в крафтовый высокоморальный кофешоп с тем, чтобы дополнить свой хипстерский социально ответственный имидж порцией органического латте на соевом молоке.

В бизнес-центре я плавно подгребла к стойке администратора и представилась, меня попросили посмотреть в камеру, чтобы сфотографировать для пропуска, выдали беджик с моим фото, на котором я выглядела как подозреваемый в полицейском участке, так еще и прическа успела свихнуться набекрень, пока я шла с парковки.

Из сверкающего лифта выпорхнул юнец в коротеньких штанишках, он должен был провести меня в переговорную для собеседования. Увидев у меня в руках кофе из дорожущего благопристойного кофешопа, он неодобрительно покачал головой. (А что за мода пошла мужчинам носить коротенькие брючки? Так еще и обувь на босу ногу? Интересно, носочно-чулочной индустрии пришел конец?)

– Оу! – издал он возглас удивления. – А Вы с собой не носите свою кружку? Я даже и представить себе не мог, что до сих пор кофе на вынос наливают в бумажные стаканчики.

– Они из биоразлагаемого материала, – проблеяла я заискивающе. – Из неотбеленной целлюлозы, переработанной.

– Ммм, а Вы не задумывались, сколько электричества уходит на переработку целлюлозы? – продолжал он давить на меня. – Намного больше, чем на то, чтобы помыть многоразовую кружку.

Ёжкина мать. Я завалила первый тест. До этого я пребывала в полной уверенности, что если что-то можно переработать, то оно уже считается экологичным и прогрессивным, очевидно, что это не так. Я незаметно оставила стаканчик на подоконнике, едва поспевая за юнцом, который мчался вдоль прозрачных стеклянных коридоров, он привел меня в светлую переговорку с напольным покрытием из искусственной травы.

– Это наш уголок для раздумий, – объяснил он. – Мы здесь устраиваем мозговые штурмы и генерируем концепции. На стенах можно писать, если у вас есть какие-то идеи, то можно сразу же записать на стене, чтобы другим тоже было видно и они могли в этом поучаствовать. Я пойду скажу Эду, Габриэле и остальным, что Вы пришли. А Вы пока располагайтесь.

Я молча кивнула, оглядела комнату и заметила на стене один-единственный рисунок, который обычно можно увидеть на каждом заборе. Моей первой реакцией было желание стереть это безобразие, пока другие не увидели, а то подумают еще, что это я намалевала. Но потом я заколебалась, а вдруг они заявятся прямо посреди того, как я буду стирать со стены, и тогда они точно подумают, что это моих рук дело? А что если это тоже тест на широту моих взглядов, и если я сотру это, то им станет ясно, что я ханжа с подавленной сексуальностью? А может, это тест на инициативность, проверка, насколько я расторопна и успею ли я стереть эту непристойность до того, как придут проверяющие? Теперь буквально все мои мысли вертелись вокруг этих гениталий.

Чем больше я смотрела на этот рисунок, тем больше он становился, и тут дверь распахнулась и в комнату вошли четверо.

– Здравствуйте, Эллен, извините, что пришлось ждать, – сказала одна из вошедших, на ней были хорошо сидящие брючки и стильные ботинки до щиколоток, и одевалась она явно при свете дня. – Меня зовут Габриэла, я из отдела кадров. Это Эд, возможно, Ваш непосредственный менеджер. – Она указала на тормознутого, но в целом приятно выглядящего мужчину, не из молодых да ранних, а вполне себе далеко за сорок, что давало мне надежду, что у них работают люди, которые знают Рика Этли не только по рикролл-мему. – Это Тони и Гейл, они тоже будут присутствовать на собеседовании, если Вы не против.

Я лучезарно улыбнулась и промямлила что-то, что должно было прозвучать как приветствие.

– У нас здесь все запросто, – продолжала Габриэла, – мы не придерживаемся традиционного формата, где все сидят за столом, располагайтесь, где вам будет удобно, и начнем нашу беседу.

Она обвела рукой, приглашая приземлиться на любой из бесформенных мешков, мягких пуфиков и колченогих табуретов, составлявших эклектичный интерьер этой комнаты для раздумий. Когда она обводила рукой комнату, взгляд ее уперся в наскальный рисунок.

– Ой, господи, а ЭТО что такое? – удивилась она.

– Это не я, это здесь уже было, когда я пришла, – выпалила я.

Габриэла посмотрела на меня с укоризной.

– А я и не думала на Вас. В том смысле, что зачем Вам... ну ладно, давайте не будем об этом. Тони, проверь, кто последний букировал эту комнату, и дай мне знать, хорошо? Это возмутительно. Ну ладно, давайте присядем уже и поговорим.

Я заняла табуретку, потому что сесть на мешок, а потом с него встать в моих новых слегка впрыток брюках было бы весьма затруднительно, еще, не дай бог, треснут по швам, пока я буду пытаться встать с мешка. В этом месте светить попой, чтобы получить работу вряд ли получится. К большому сожалению Эда, моего потенциального начальника, если мне все-таки удастся получить эту работу, ему достался мешок. По его виду было件нятно, что он совсем не рад такому распределению посадочных мест, и можно было услышать, как он чертыхнулся, когда с трудом опустился на этот бесформенный надутый шар. Опять я не успела сориентироваться и произвести приятное впечатление.

Само собеседование прошло вполне себе ничего, как мне показалось. Ну, не знаю. Эд задавал вопросы о моих навыках и опыте работы, на которые у меня были заготовлены отличные ответы, но после каждого моего ответа он все больше сопел и хмурился, так что было непонятно, может, он уже на этапе выбора сиденья возненавидел меня и решил, что не станет со мной работать.

Габриэла задавала стандартные HR-вопросы, на которые я никогда не знаю, как правильно отвечать, – то ли давать шаблонные ответы, то ли завернуть что-нибудь эксцентрично-находчивое, чтобы выделиться из толпы претендентов на место. Также мне не совсем ясно, какие вопросы продиктованы подлинным интересом к моей личности, а какие вопросы с подвохом, чтобы выявить, а не психопатка ли я. Тони и Гейл большей частью молча записывали что-то, и у меня сложилось впечатление, что их работой было проводить психологическую оценку моей личности.

Никто не поинтересовался, каким деревом я хотела бы стать, будь у меня такая возможность. У меня был заготовлен ответ, я бы хотела стать белой березой, потому что она выделяется из толпы других деревьев своей серебристой корой, а еще береза – очень многофункциональное и полезное в хозяйстве дерево. Скорее всего, всем было наплевать, какое бревно из меня получится.

Новые туфли натерли мне ноги, а в лифчике свербили крошки от тоста, так что сосок у меня раздулся и чесался, в таком состоянии обстоятельно отвечать на заковыристые вопросы Эда было затруднительно, к тому же я боялась пошевелиться на этом колченогом табурете под пристальными взглядами Тони и Гейл, которые наверняка сочли бы мои подергивания за проявления психопатических отклонений.

Полагаю, позже меня оповестят о результатах собеседования. Конечно, все могло пройти и лучше, но не так уж все было печально, одна знакомая по университету рассказывала, что у нее на собеседовании внезапно воспламенился стол, так что если они пытались выбить меня из равновесия рисунком члена на стене, то я, наверное, провалила этот психометрический тест тоже.

Суббота, 10 сентября

Сегодня вечером в пабе состоялся уже традиционный для первой недели в четверти разбор полетов с Ханной и Сэмом. Я надеялась, что они поддержат меня и станут уверять, что, на их взгляд, собеседование прошло нормально, в то время как Саймон лишь покачал головой и сказал: «Кто дернул тебя за язык ляпнуть, что это не ты автор настенной росписи? Что ты такого сделала, чтоб они подумали, что ты способна *такое* намалевать?»

Увы, Кэти не смогла присоединиться к нашей увлекательной беседе о домашке и ланч-боксах. (Не знаю почему, но меня раздражает сама мысль, что надо собирать еду детям на обед и давать им с собой в школу эти проклятые ланчбоксы – уже с самого утра надо мной висит этот ужасный дамоклов меч, что надо делать им бутерброды в школу. Хотя это занимает буквально пять минут, но, видимо, сама мысль о неотвратимости этой повинности, которую я должна выполнять *каждый божий день* в течение всего учебного года, а также унылая предсказуемость последовательности действий, чтобы сделать бутер с ветчиной для Питера, с сыром – для Джейн и не дай бог перепутать, а по пятницам «удивить» их сосиской в тесте, потому что к пятнице я уже задолбалась делать бутерброды, омрачает мое утро, а может, просто-напросто я некудышная мать?)

Саймон оставался с детьми в тот вечер, он был на высоте и не задавал мне глупых вопросов, пока я собиралась на гулянку, потому и я вела себя как добрая мать и заботливая жена и не накачала детей мишками Nargib, чтобы Саймону не пришлось разбираться с последствиями всесокрушающей гипергликемии у детей, когда я улизну в бар (когда вы женаты столько лет, вы и не на такие пакости способны, чтобы досадить своей второй половине), но мой безоблачный и благодушный настрой тем не менее дал сбой, когда я зашла в гостиную, чтобы попрощаться со своим благоверным и любимыми чадами. Саймон и Джейн что-то увлеченно смотрели в телефоне Джейн.

– Чем это вы заняты, дорогие мои? – спросила я и поцеловала каждого на прощание.

– Ничем! – быстро ответила Джейн, и глазки у нее при этом забегали. – Ничего такого. Папа просто помогает мне тут в телефоне разобраться. Ты опоздаешь, мамочка, давай беги уже.

Никогда в жизни Джейн так меня не выпроваживала из дома. Обычно она из кожи вон лезла, чтобы мне помешать, задержать, испортить настроение перед выходом, да и вообще сделать все, чтобы я опоздала и никуда не пошла. Ее любимый трюк – дожидаться, пока я полностью соберусь, уже надену пальто и хочу выйти за порог, как тут же она цепляется за меня и начинает рассказывать какую-то чрезвычайно важную длинную историю, или же задает животрепещущий вопрос, без ответа на который она не сможет жить, или же она вспоминает, что учитель передал для меня записку, и я должна прочитать прямо сейчас. Так что при таких обстоятельствах меня охватили смутные сомнения.

– Саймон, чем вы тут занимаетесь? – требовательно спросила я.

– Все нормально, милая. Я просто помогаю Джейн завести аккаунт в инстаграме. Она сказала, что ты ей разрешила, просто у тебя нет времени, чтобы ей помочь, а ей нужен электронный адрес, поэтому я дал ей свой.

– ДЖЕЙН! Ах ты ж маленькая лгунишка! Я же тебе запретила даже думать об этом, пока тебе не стукнет тринадцать! Ты почему врешь отцу и меня обманываешь, а? – завелась я.

Джейн вся набычилась и стала огрызаться, что это НЕЧЕСТНО, потому что у ВСЕХ уже есть инстаграм, а я ей не разрешаю, хотя ПАПА сказал, что можно, а я противная мать, которая не дает ей жить.

– САЙМОН! – напустилась я на него. – Какого хрена ты разрешаешь ей это делать?

– Я И НЕ РАЗРЕШАЛ! – встал в стойку Саймон. – Я ей сказал, если мама разрешила, то я не против, а Джейн сказала, что ты ей давно уже разрешила.

– ТОЛЬКО С ТРИНАДЦАТИ ЛЕТ! – заорала я. – Джейн, ты так меня разочаровываешь. Мы же сто раз об этом говорили, и все равно ты продолжаешь гнуть свое, а теперь еще ты врешь отцу и обманываешь меня. Ты что, думаешь, я не узнаю? Даже и не знаю, что меня расстраивает больше. То, что ты такая настырная и не слушаешься меня, или то, что ты нагло врешь отцу. Саймон, ты согласен, что она ведет себя отвратительно?

– Эээ, – замялся Саймон, – ну не идеально, конечно...

– Саймон, ты дурак? Не идеально? Это все, что ты можешь сказать?

– Ну, не конец же света. Что ты так драматизируешь. Просто произошло небольшое недоразумение.

Я сделала глубокий вдох и как можно спокойнее сказала: «Джейн, пожалуйста, поднимись в свою комнату и дай нам с папой поговорить наедине».

Джейн недовольно потащила в сторону своей комнаты, бормоча себе под нос свою любимую фразу, что с ней обращаются несправедливо, она очень медленно и неохотно покинула гостиную, мне стоило колоссальных усилий дождаться, пока она наконец соизволит выйти за дверь, и тут я сорвалась на крик:

– Саймон, какое недоразумение? Она тобой манипулирует. Я ей ясно сказала, что никаких аккаунтов она заводить не будет. Так она пошла к тебе, потому что знает, что ты пойдешь у нее на поводу, и она сможет повернуть свое дельце за моей спиной, пока меня нет. Почему ты никогда не поддерживаешь меня в воспитании детей? Почему ты всегда саботируешь? Мне надоело быть плохим полицейским, который всю дорогу орет и наказывает, а ты у нас всегда хороший папочка, потому что ни во что не вникаешь. Ты ВСЕГДА ТАК ДЕЛАЕШЬ, и это НЕЧЕСТНО!

– Ты себя слышишь? Ты же сейчас говоришь как одиннадцатилетняя девчонка, нечестно с ней поступают, видите ли, – Саймон включил свой отвратительный режим «кто-то у нас истерит, поэтому я буду давить разумом и логикой».

– Но ведь так НЕЧЕСТНО! – продолжала я орать. – Ты никогда их не наказываешь, всегда я должна это делать, и когда они вырастут и станут писать мемуары, то я в них буду фигурировать как женщина, которая выдавала себя за их мать, а ты там будешь святошей. По всей вероятности, Джоан Кроуфорд не была такой уж плохой матерью, просто у нее, наверное, был муж, который НИ В ЧЕМ ЕЕ НЕ ПОДДЕРЖИВАЛ.

– А я уверен, что она была плохой матерью..., – вставил Саймон.

– Не переводи тему, – одернула я его.

– Но я же тебя поддерживаю. На прошлой неделе ты запретила Питеру сидеть за планшетом, я поддержал.

– Поддержал, как же. Пока я была в супермаркете, кто закачал и смотрел «Стражи Галактики» три часа? А кто целый день рубился в Fortnite? А в остальном я, конечно, могу рассчитывать на твою поддержку, – заключила я, стараясь изобразить гомерический хохот, хотя по факту звучало, как будто меня душили.

– Да что ты все время цепляешься ко мне, черт подери! Я всегда тебя поддерживаю, ВСЮ ДОРОГУ! У тебя что, ПМС или как? Гормоны вышли из-под контроля?

– Это не гормоны, – холодно отрезала я. – И я была бы признательна, если бы ты не использовал такие грязные приемы каждый раз, когда я выражаю свои эмоции. По-твоему, я безмозглый мячик... который швыряет туда-сюда по воле гормональных волн?

– Вау, какой мощный образ! – с усмешкой сказал Саймон, ковыряясь в своем телефоне. – И судя по приложению, которое отслеживает твой цикл, у тебя сейчас овуляция.

Тут меня понесло:

– МОЙ СУКА ЦИКЛ НИКАК НЕ СВЯЗАН С ТЕМ, ЧТО ТЫ ТОЛСТОКОЖИЙ МУДАК! А ЭТО ТВОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ВООБЩЕ ЖУТЬ И НАРУШАЕТ МОЕ ПРАВО НА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ ЛИЧНЫХ ДАННЫХ!

– Ну почему же, дорогая, это очень полезная напоминалка, когда мне надо надеть бронежилет и моргать потише, – со вздохом сказал Саймон.

– Меня ждут друзья, – сказала я как можно спокойнее и невозмутимее. – Я должна идти. Поговорим об этом завтра. А пока постарайся, если тебе не сложно, и не позволяй Джейн заводить аккаунт в инстаграме!

Я тут же вышла из комнаты, чтобы не дать ему еще что-то сказать в ответ и чтобы последнее слово оставалось за мной, хотя я все-таки поднялась наверх и захватила несколько тампонов из шкафчика в ванной, потому как вполне возможно, что этот сукин сын со своим приложением был прав и у меня эти дни. Терпеть не могу признавать, когда он прав.

Короче, когда я добралась до бара, где меня уже ждали Ханна и Сэм, нервы у меня были на пределе, и я тут же вывалила на них все свои переживания по поводу инстаграма. У Сэма и Ханны тоже дочки такого же возраста, что и Джейн, хотя дети Ханны ходят в другую школу по месту проживания, так что они хотя бы сочувственно отнеслись к моим жалобам и опасениям по поводу педофилов, которые так и норовят совратить малолеток, не то что Саймон, который наивно верит, что может контролировать через родительский пароль и настройки конфиденциальности, с кем там его малолетняя дочь сексится.

Однако, несмотря на то, что Ханна вроде бы сочувственно поддакивала и мычала в ответ на мои излияния о миллениалах в коротких штанишках с их многоцветными кружками для кофе и переговорками, которые больше смахивают на игровые комнаты в детском саду, и о том, правильно ли, на их взгляд, я ответила на вопросы, я все равно ощущала, что ее не сильно затрагивают мои озабоченности по поводу опасности инстаграма и превратностей собеседований, она ерзала на стуле как малыш, которого приучают к горшку.

– Ханна, у тебя все нормально? – спросила я. – Ты какая-то не такая сегодня. Цистит подхватила?

– Что? – удивилась Ханна. – Какой цистит, о чем ты? Хотя да, мне не терпится рассказать вам кое-что, но мне нельзя пока об этом говорить.

– Ну теперь тебе придется нам об этом рассказать, – справедливо заметил Сэм. – Нельзя же просто так сказать, что у меня для вас новость, а потом взять и заткнуться.

– Ой, я, кажется, догадываюсь, ты залетела! – промолвила я. – Поэтому ты елозишь и вертишься на стуле, как будто тебе надо в туалет, – это тебе матка на мочевого пузырь давит. Господи! Тебе же сорок два! Тебя отправят в отделение для *старородящих*, со всеми старухами, которые до сих пор шпилятся. Хотя это лучше, чем лежать в вендиспансере со старичками, которые занимаются незащищенным сексом, как кролики, потому что они думают, что они настолько дряхлые, что им не грозит подхватить триппер или залететь.

– Спасибо, Эллен, ты всегда можешь поддержать своим добрым словом, – сухо заметила Ханна. – Но мне кажется, что в роддомах уже перестали использовать термин «старородящая», сейчас надо говорить «возрастная» или что-то в этом роде, хотя хрен редьки не слаще, все беременные, кому за тридцать пять, автоматически подпадают под эту категорию, так что если случится чудо и я *залечу*, то буду там не одна такая старая кляча, но такого быть не может, потому что я сижу тут и накаत्याю с вами каберне-совиньон! Так что, мисс Марпл, это доказывает, что я не беременна.

– Похоже, что так оно и есть, – неохотно признала я. – Тогда что у тебя там за новость такая?

– Стойте, давайте сыграем в игру «А ну-ка, угадай!» – завелся Сэм. – Выкладываем версии, кто не угадает, тот пьет штрафную!

– Ой, пусть Ханна просто расскажет, как есть, она же моя лучшая подруга, она мне *все* рассказывает с тех пор, как нам стукнуло одиннадцать, по сей день у нас друг от друга секретов нет, – сказала я. – Ханна, скажи только мне, а Сэм пусть гадает, он ведь не твой лучший друг!

– Ой, подумаешь, – обиделся Сэм, – я ее лучший друг-гей, и все знают, что по законам жанра она мне должна выкладывать все свои секреты.

– Ой, что вы говорите, – завелась я, – по законам жанра также полагается, что, после того как друг-гей узнал секрет, он должен повести свою подругу в магазин обуви, а потом угостить ее Космополитеном, а ты терпеть не можешь обувные магазины и коктейли Космо, от них у тебя изжога. Так что один – ноль, я веду в счете!

– Да угомонитесь же вы! – воскликнула Ханна. – Вы вообще хотите узнать мою новость или так и будете задираться друг перед другом, пока я вас двоих в угол не поставила?

– О, я знаю! Ты выиграла в лотерею! Вагон и маленькую тележку денежек, которыми хочешь поделиться со своей лучшей подругой! – взвизгнула я.

– Так, заткнитесь вы оба и слушайте сюда! Я не беременна и не выиграла в лотерею, ЗАТО Чарли сделал мне предложение! Мы никому еще не сообщали, даже своим родителям, но я не могу держать это в секрете от вас. Зацените мое колечко! – довольная Ханна полезла в сумочку и достала оттуда маленький, но очень солидный кожаный футлярчик.

– Ах ты ж, господь всемогущий и все милостивый! Ты выходишь замуж! За Чарли! Это же как в сказке! – залопотала я, растрогавшись до слез, потому что моя самая лучшая подруга на всем белом свете выходит снова замуж, но теперь за хорошего человека, а не за тупорылого гоблина, которым был ее бывший муж, слава богу, что он отвалил от нее три года назад.

– Оу, крошка. Это же феерично! – сказал Сэм, и глаза у него увлажнились. – Так, подождите, мне нужно прекращать говорить «феерично», а то Софи сказала, что это самое зашкварное слово, которое она когда-либо слышала, и попросила не говорить его больше.

– Оооо, посмотрите на этот камешек! – запищала я. – Это же просто ослепнуть можно, как он сверкает. Надень колечко! Ой, красотища какая! Просто божественно! А можно мне помогать тебе с подготовкой к свадьбе! Ну пожалуйста, умоляю. А платье? Когда пойдешь выбирать? Вам надо устроить свадьбу в стиле шэбби-шик, в амбаре, на стогах сена и с полевыми цветами, в резиновых сапогах и деревенским подвенечным платьем!

– Эллен, кажется, ты слишком много зависишь на Pinterest-досках, – заметил Сэм.

– Ничего подобного. Как можно слишком много зависать на бордах? К тому же это я свела Ханну и Чарли, так что по-любасу я должна быть главным свадебным церемониймейстером. И почетной гостьей. Это будет охрененно! Наконец я куплю себе отпадную шляпку. Как же я рада, Ханна, что ты выходишь замуж, и я наконец куплю себе шляпку!

– Во-первых, Софи сказала, что «по-любасу» – это тоже зашквар, так говорят олдфаги, а во-вторых, некоторые могут подумать, что свести Ханну и Чарли – это самое малое, что ты могла сделать, чтобы загладить свою чудовищную вину, когда разбила сердце Чарли и обрекла Ханну влачить жалкое существование в течение стольких лет, так что они оба страдали в браках не с теми людьми, – сказал Сэм, довольно безжалостно было так говорить с его стороны.

По правде, Ханну, Чарли и меня связывает долгая история, правда и то, что я его когда-то водила за нос, а потом свинтила от него и ушла к Саймону, и если бы я не была такой жестокой, может быть, Ханна и Чарли уже бы лет двадцать как были вместе, но в конце концов я же исправилась, когда наткнулась на Чарли два года назад, так что мне все равно причитаются дивиденды с их свадьбы. А также мне полагается иметь самую ослепительную шляпку на их свадьбе.

– Сэм, дорогой, мы тут за шляпки разговариваем, а не за человеческие качества, – попыталась я вывернуться из ситуации и продолжила трещать о моем видении свадебной концепции, которая должна быть элегантной, рустикальной и в целом вписывающейся в формат Pinterest.

– Нет, я против выходить замуж в амбаре, в резиновых сапогах с подвенечным платьем, – запротестовала Ханна. – К тому же мы еще не определились с датой, так что, Эллен, отложи в сторонку свой телефон и погоди заказывать винтажное вино с eBay.

– Ну, я просто смотрела! – возмутилась я. – Нельзя, что ли, посмотреть? Ооо, подумать только, мы будем выбирать платье! И накидаемся бесплатным шампанским в свадебных салонах до визга пороссячьего! Подумать только... ой, свадебное платье. Элегантное, с бездной вкуса, а не тот шар из фатина, как в прошлый раз. Я же буду свидетельницей? Свидетельница может заявиться в шляпке? Эмили, Софи, Джейн будут подружками невесты!

– Эллен, мне сорок два и это мой второй брак. Ты в своем уме, какие подружки невесты? Это же не королевская свадьба!

– Было бы красиво, – обиделась я.

– Была у меня грандиозная свадьба, Эллен, на которой от меня ничего не зависело, потому что там заправляла моя мама, а до чего у мамы не дошли руки, так бывшая свекровь позаботилась, сделала все, чтобы только о ней все и говорили, даже в церковь пришла чуть ли не в белом, как невеста, а потом еще заявила, что у них в семье так заведено, что первый танец исполняют жених со своей мамой. Сейчас я хочу, чтобы этот день был только для меня с Чарли. Ты моя самая близкая подруга, конечно, ты тоже там будешь, поможешь мне. Но только без фанатизма! Пожалуйста, не увлекайся!

– Ну хоть шляпку-то можно? – попросила я.

– Ой, да цепляй ты что хочешь себе на голову! – снисходительно разрешила Ханна.

Понедельник, 12 сентября

Сегодня мой день рождения. Сегодня мне исполняется сорок два годика, унылый мрак и тихий ужас.

Так еще сегодня понедельник. Надо принять закон, запрещающий отмечать дни рождения в понедельник. Это самый неподходящий день недели.

Сорок второй день рождения еще мрачнее, чем сороковой юбилей. Уже тогда я была в отчаянии от мысли, что мне стукнуло сорок, и думала, что после этого рубежа начинается неумолимое погружение в пучину старческого слабоумия и физической немощи, я начну сохнуть, сморщиваться и разваливаться на части, да еще буду на ходу забывать, зачем зашла в комнату (это случается со мной все чаще и чаще). Но тогда, на мой юбилей, Саймон увез меня в Париж, где мы с ним провели восхитительно романтический уикенд (кстати, воздержитесь от поедания круассанов в постели, потому что потом крошки повсюду и занятие сексом становится сродни лежанию на гвоздях и хождению по стеклу, не рекомендую).

Мы прогуливались вдоль набережной Сены, держась за ручки, Саймон ворчал, зачем я скупаю кипы старых открыток («потому что мне они близки по духу, а у тебя, Саймон, как не было души, так и нет»), потом мы ужасались бесконечности очередей на Эйфелеву башню, а из Лувра Саймону пришлось вытаскивать меня силком, потому что я жаждала увидеть Мону Лизу, но к ней было не протолкнуться из-за несметных орд туристов, и когда я все-таки с трудом протиснулась к ней, то была разочарована маленьким размером и грязноватой палитрой и стала возмущаться из-за чего весь этот ажиотаж, в то время как другие ценители искусства, которым пришлось полсвета проехать, чтобы исполнить свою заветную мечту и хоть одним глазком взглянуть на шедевральную Мону Лизу, не разделяли моего мнения и даже пытались вступить со мной в перепалку, на что я тогда во всеуслышание заявила, что мне здесь тошно и от людей, и от искусства. Вообще в Париже так тесно от народа, что мне было необходимо периодически искать укрытия в малюсеньких кафешках, где я пыталась восстановить душевное равновесие изрядным количеством красного вина, что в целом вылилось в то, что весь тот уикенд проплыл перед моим взором подернутый пурпурной дымкой.

Однако был там и довольно неприятный момент, когда Саймон оставил меня одну в нашем роскошном номере отеля, потому что я хотела принять расслабляющую ванну, а сам спустился в бар, чтобы пропустить стаканчик. В нашем номере была бесподобная ванна такой

ширины, длины и глубины, которой мне раньше не доводилось встречать, ко всему прочему это была ванна с джакузи!

– Я в раю! – подумала я. – Это ж как я в ней расслаблюсь и размякну!

Набрав горячей воды, вылив туда все содержимое бутылка жидкости для пены, врубив джакузи на «полный» режим, я погрузилась, как я тогда надеялась, в блаженство, однако вместо того, чтобы спокойно плескаться в теплой волне, которая бы своим целительным прикосновением сняла все напряжение с моих ноющих от усталости мышц, меня закрутило в бешеном водовороте. Центроостремительная сила вертела меня в середине этого широчайшего колодца, у меня не получалось дотянуться оттуда до панели управления ни рукой, ни ногой. К тому же содержимое крохотного бутылка оказалось настолько концентрированным, что при взбивании в джакузи оно превратилось в крепкую плотную пену, которая стала вздыматься над поверхностью воды как Гималаи, затрудняя ориентацию как в ванне, так и за ее пределами, понять, где верх, где низ, где право, а где лево, было практически невозможно.

Слава господу, Саймон, спустившись в бар и поняв, что ему чего-то не хватает, а именно телефона, который он оставил в номере, вернулся за ним. Открыв дверь в номер, он увидел пену, выбивавшуюся из-под двери ванной, а также услышал мои крики о помощи. Потешившись вдоволь зрелищем и насмеявшись до колик в животе, он наконец снизошел и вырубил адское джакузи. Выйти из той ванны как Афродита из пены морской у меня не получилось, видок у меня был как у побитой и распухшей утопленницы, которую выловили на третьи сутки.

Запомнился также вечер в джаз-баре на Монмартре, куда мы направились с Саймоном, чтобы почувствовать себя занятыми парижанами, утонченными и элегантными. Саймон предупреждал меня, что это может мне не понравиться, и спустя десять минут пребывания в том месте я поняла, что джазом называют какофонию, когда музыканты не попадают в ноты. Саймону, однако, удавалось выуживать из того шума какие-то смыслы, и, судя по его виду, ему это доставляло удовольствие. Я же удостоилась титула «мещанка». Удерживало нас там только скупердяйство Саймона, он сказал, что мы уйдем оттуда, только когда я допью до последней капли кампари, я заказала его, чтобы почувствовать себя европейкой, набить себе цену и нагнать румянец, однако на вкус кампари оказался как горький сироп от кашля, и я не могла сделать ни глоточка. Саймон был неумолим и сказал, что ничего другого мне не купит, пока я не прикончу эту микстуру за 15 евро. Иногда Саймон бывает очень упрям.

А теперь мне сорок два. Назад дороги нет, я разменяла пятый десяток, и это страшнее, чем когда меня охватила паника в тридцать один год от мысли, что мне уже за тридцать (в основном потому, что когда я была подростком, то смотрела сериал «Тридцать-с-чем-то» и думала про актеров, какие же они все старые, а теперь это происходит не в сериале, а со мной, и я опасалась, что превращусь в Хоуп, такую скучную и благообразную, хотя всем эта героиня нравилась, и все девчонки хотели походить на нее, также как и на Шэрон из «Жителей Ист-энда»). Свой сорок второй день рождения я отметила ударной работой по дому, пылесосила, стирала, орала на детей, чтобы они не приставали друг к другу, потому что они, видимо, не способны не то чтобы играть вместе, а даже находиться в одной комнате и не задирать друг друга. На ужин заказали доставку, потому что я отказывалась варить в свой день рождения, а Саймон не хотел никуда идти на ночь глядя, потому что у него, видите ли, завтра рано утром важная встреча, и потом, «кто выходит в понедельник вечером, дорогая, это же рядовой день рождения, ничего особенного, не так ли?»

Конечно же он прав, это рядовой день рождения, потому что это я рядовая. У всех остальных в этой семейке каждый год особенный день рождения, потому что я из кожи вон лезу, чтобы сделать его особенным, и ни одна сволочь не почешется даже, чтобы отплатить мне добром за мою заботу.

Вторник, 13 сентября

Ну, не знаю, почему в той переговорке на стене красовался член с яйцами, тем не менее тест я прошла (одно из двух: либо я выдержала испытание, либо у других кандидатов сдали нервы, и они дополнили ту наскальную живопись какими-то пикантными деталями, может, волосы пририсовали или струю приделали?) Что гадать, теперь уже не важно. Важно то, что меня пригласили на ВТОРОЙ РАУНД собеседования. В следующий понедельник, то есть у меня в запасе почти неделя, чтобы подготовиться, а еще меня будет собеседовать их начальник отдела развития бизнеса, который сейчас сидит в Калифорнии, так что все будет проходить по телефону и мне не надо беспокоиться, что надеть! Был момент, когда я подумала, что это будет видеозвонок, и мне придется расчищать какой-нибудь угол в доме, чтобы создать иллюзию делового пространства, но они заверили меня, что это будет обычный конференц-колл между Очень Важной Шишкой из Калифорнии, Тормознутым Эдом и мной, так что мне даже не надо краситься, и я могу залезть в лифчик и почесать грудь, если приспичит! Запоздалый подарок ко дню рождения однако, тем не менее приятно! Пусть моя семья ко мне и равнодушна, зато вся вселенная и карма на моей стороне.

Среда, 14 сентября

Твою ж налево, растудить тебя и в хвост и в гриву! В школе сегодня собрание «Знакомство с Учителем». Всем известно, что даже если на протяжении всей начальной школы у вашего ребенка один и тот же учитель, вам все равно придется идти на это дурацкое «Знакомство с Учителем» (на самом деле никакого знакомства не происходит, а вы просто сидите целый час на детском стульчике и пялитесь на презентацию в PowerPoint, в которой описываются учебная программа и планы уроков, никакого отношения не имеющие к тому, чем будут заняты ваши дети в течение всего учебного года), а если вы не придете, то пеняйте на себя, потому что и учитель, и остальные родители заметят ваше отсутствие и припомнят потом вам этот проступок. Конечно, у большинства родителей хватает здравого смысла не нанимать бебиситтера на это время, чтобы вдвоем заявиться Знакомиться с Учителем, но всегда найдется хотя бы одна парочка бешеных родителей, до боли образцовых и инициативных, которые будут затягивать встречу своими дикими вопросами о том, как будет вести себя учитель в каких-то немислимых, порожденных их больным воображением ситуациях. Остальные родители стараются изо всех сил не закатывать глаза и не прятать лицо в ладонях, потому что эти придурки оттягивают тот благословенный момент, когда можно уже сорваться домой и отпаивать себя от этого бреда изрядным количеством джина.

Я подумала, что сделаю доброе дело, если подброшу Кэти на собрание в школу, чтобы ей бедняжке не было одиноко топтать туда одной, но, как всегда, доброе дело обернулось ерундой, потому что хоть Кэти и замечательная добрая душа, которая живет по соседству, она намного наивнее и непорочнее, чем все идеальные мамы на школьном дворе вместе взятые.

Итак, заходим мы с ней в фойе школы и видим стоящих там Фиону Монтегю и Идеальную Мамочку Идеальной Люси Аткинсон, вооруженных листами бумаги, на которых они записывают добровольцев в родительский комитет школы, вместо того чтобы проскользнуть мимо них бочком, опустив глаза долу, чтобы не встречаться с ними взглядами, Кэти доверчиво подошла к ним и заявила, что просто сгорает от любопытства узнать, что это такое «родительский комитет школы».

– Ой, так это же просто замечательно! – продолжала восхищаться Кэти. – Я считаю, что это просто здорово, собирать деньги в фонд на нужды школы. Таким образом можно познакомиться со всеми родителями, так ведь?

Мама Люси и Фиона в один голос радостно заверили Кэти, что только так и можно познакомиться с другими родителями и, по всей вероятности, лучшего способа для новеньких родителей и не существует.

– А что же ты, Эллен? – спросила Кэти. – Ты же тоже можешь вступить в родительский комитет и направлять меня на путь истинный, чтобы я больше не допускала оплошностей на игровой площадке и за ее пределами. Я совсем ничего не знаю, а ты же профи в таких делах.

– Эээ, – протянула я беспомощно, – эээ, как бы это сказать...

– Что не так, Эллен? Разве ты не хочешь собирать взносы в фонд школы? – в широко распахнутых глазах Кэти читался неподдельный энтузиазм.

– Ну, *конечно же*, я хочу, – с трудом ответила я, – и вообще-то я уже в списке тех, кто хотел бы участвовать в подобных мероприятиях. Просто я не совсем уверена, что у меня будет время сидеть на комитетских заседаниях.

– Там ничего сложного нет! – сказала Люсиная мама.

– Вообще все очень просто, не займет много времени! – вторила ей Фиона.

– Это же ради детей! – просительно сказала Кэти.

И вот так просто, спустя семь лет изощренных уловок, чтобы избежать участия в родительском комитете, я попадаюсь в их силки и теперь должна участвовать в ежегодном общем собрании, даже в какой-то официальной роли, но только не казначея, предупредила я их, ибо я за себя не ручаюсь и могу случайно расстроить школьников, растратив школьный фонд и сесть в тюрьму, так что им придется самим потом объясняться перед журналистами из Daily Mail.

Саймон ржал так, что чуть животик не надорвал, когда узнал, что я угодила в родительский комитет. Он-то помнил, когда Джейн пошла в школу и меня склоняли к членству в родительском комитете, я была в ужасе оттого, что надо будет ходить на собрания комитета, и меня преследовали кошмары, в которых я заявляюсь на такие сборища в чем мать родила. Иногда мне кажется, глядя на Саймона, что пословица «муж и жена – одна сатана» – это не про нас. Он мог бы больше сочувствовать мне и больше поддерживать меня. Также интересно, насколько вещие те сны, где я сижу голая на собраниях комитета, – вот как удавалось Тринни и Сюзанне из передачи «Мы вас переоденем» уговорить бедных теток моего возраста раздеться догола и трясти своими сисяндрами перед камерой? Вообще странная передача. Кому надо идти туда на всеобщее порицание? «Конечно я знаю, что мне не достает уверенности в себе и шмотки у меня жуть, поэтому пойду-ка я на национальное телевидение, и пусть две пафосные сучки потискают меня за сиськи, а потом повесят на меня милый шарфик и скажут, что это положит конец всем моим страданиям!» На другом краю диапазона есть такие передачи, как «Я стесняюсь своего тела», и там люди, которые заявляют, что они не ходят по врачам, потому что стесняются перед доктором оголяться, совершенно без всякого стеснения вываливают свое гноевое хозяйство и трясут им перед камерой на всеобщее обозрение (однажды черт меня дернул посмотреть выпуск этой передачи про триппер, так я потом неделю есть не могла нормально, зато потеряла два килограмма веса – мелочь, а приятно).

Понедельник, 19 сентября

Уффф! Сегодня мое второе собеседование, по телефону, и, о счастье, Саймон заболел! Реально заболел. Не просто насморк, простуда или легкий кашель. Нет, он реально выбит из колеи, валится с ног, и когда вернется в строй – неясно. Сейчас сидит сгорбившись перед ноутбуком, в самом отстойном синтетическом до скрипа свитере и гуглит, и гуглит симптомы, с каждым поиском находя все более и более смертельные болезни, и каждые пять минут вопрошает, может ему уже надо звонить в скорую и службу спасения. В перерывах театрально стонет и надсадно кашляет.

– У тебя простой человеческий грипп! – говорю я повседневным тоном.

Саймон издает жалобный стон.

– А мне кажется, что это вирус Зика, – слабо возражает он.

– Откуда у тебя вирус Зика? Ты же нигде не был, даже рядом не лежал с этим вирусом! – сердито бросаю я.

– На той неделе я был в Лондоне. В метро рядом сидела женщина, которая кашляла без остановки. Наверное, она меня заразила.

– Нет, дорогой, в метро Зика не подхватишь, он не передается воздушно-капельным путем. Тебя комар должен укусить. И потом, Зика опасен, если только ты беременная женщина, но по последним данным ты у нас *не баба, и не беременный*. Так что давай не будем сгущать краски, и не надо изображать, что ты у нас тут помираешь от *обыкновенной простуды*.

– Меня точно лихорадит, – мявкнул Саймон, все еще на приеме у врача гугла. – Измерь мне температуру! Эбола передается по воздуху. Может, у меня Эбола. Первыми симптомами являются лихорадка, головная боль, мышечная боль и боль в суставах, еще горло болит и общая слабость в теле. У меня все эти симптомы присутствуют! Боже, у меня Эбола. Все, я умираю. А тебе все равно? Ты такая черствая. Измерь мне хотя бы температуру.

– Если у тебя Эбола, я к тебе на пушечный выстрел не подойду, – ответила я. – Но у тебя Эболы нет. Это у тебя острый приступ ипо-хрено-хондрии, вот и все.

– К носу не могу притронуться, – прошмыгал Саймон, – почему у нас нет других платочков, не таких, как эта наждачка?

– Потому что мягкие платочки стоят в два раза дороже.

– Какая ты черствая! – вновь заскулил Саймон.

– У тебя обыкновенная простуда. Простыл ты малость! Ты ж мужик, соберись, тряпка! – отрезала я.

– Но мне плохо. Это совсем не простуда. Пожалуйста, измерь мне температуру.

– Хорошо, самый точный способ измерить температуру – это ректально... – зловеще начала я.

– Зачем это? Ни за что на свете! Не надо мне ректально ничего мерить! Подмышкой нельзя обойтись?

– Подмышка – ненадежное место, результаты неточные...

– Неужели я не дождусь от своей жены хоть немного сочувствия и любви? Ну хоть чуть-чуть? Разве я многого прошу? Ну пожалей ты меня хоть немного. Нет, вместо этого ты будешь мне ректально угрожать. Вот почему ты такая жестокая?

– Я не жестокая. Я все понимаю, я вон тебе чай сделала и принесла в постель и ни слова не сказала, что в доме бардак и кухню ты разнес, пока я забирала детей из школы.

– Мне надо было набраться сил, я хотел поесть, – умирающим голосом прошептал Саймон.

– Ну, я смотрю, силенок у тебя немного прибавилось, так что присмотри за детьми, чтобы они НЕ ШУМЕЛИ, пока я буду проходить собеседование по телефону в 17:30. Как считаешь, достанет у тебя силенок?

– А почему так поздно? Где устраивают собеседование вечером? – возмутился Саймон.

– В Америке устраивают.

– И чо?

– *Разница во времени*, улавливаешь? Я буду разговаривать в спальне, а ты просто не пускай детей наверх, чтобы я могла сконцентрироваться и слышать, что у меня спрашивают и что я им отвечаю. Саймон, пожалуйста, это очень важно для меня!

– Но мне *плохо*, – застонал Саймон. – Как я с ними справлюсь? Сама скажи им, чтобы они тихо играли внизу.

– ТАК! Кто-то должен за ними приглядывать, потому что, как только я сниму трубку, у них сорвет крышу, и они начнут беситься, носиться по дому, орать, визжать и мешать. Забыл,

что ли, как пару лет назад я пыталась пройти собеседование по телефону? Так потом нам пришлось ехать в травмпункт, потому что Питер запихнул себе в нос горошинку.

– Что, правда что ли? – Саймон забыл, то есть даже и не знал.

Я вздохнула.

– Конечно же ты ничего не помнишь. Тебя же там не было. Ты у нас был в очередной командировке, а я сама справлялась со всем, в который раз, вот поэтому сегодня я прошу тебя, хотя бы раз сделай одолжение, помоги мне с детьми, придержи их внизу, пока я говорю по телефону.

– Просто довожу до твоего сведения, что я плохо себя чувствую, – вновь затянул свою волюнку Саймон. – И все равно ты заставляешь меня смотреть за детьми. Вот моя мама никогда бы так не сделала, она даже подумать не могла, чтобы заставлять отца смотреть за детьми.

– А при чем тут твои родители? – взъелась я. – Ты не твой отец, а я не твоя мать, и на дворе двадцать первый век, так что опомнись, пока не поздно, и ПОСМОТРИ ЗА ДЕТЬМИ, потому что мне надо подготовиться к собеседованию.

– А что с ужином? – не отставал от меня Саймон. – Мне что, надо будет и ужин готовить?

– Когда я закончу разговор, то приготовлю тебе ужин, – бросила я через плечо. – Просто займи детей пока чем-нибудь, чтобы они вели себя ТИХО!

Разговор по телефону начался неплохо. Макс, очень важная шишка, оказался американцем из Америки и потому звучал по-американски бодро, позитивно и вежливо. Эд, как и на первом собеседовании, большей частью отмалчивался, и только его шумное сопение в трубке нарушало нашу с Максом болтовню. Где-то спустя минут двадцать после начала собеседования я услышала, как с первого этажа донесся какой-то скрежет. Я напряглась. Потом с лестницы донеслись звуки громяющих шагов, я вся сжалась, внутри меня закипала злость. Потом в дверь спальни начали колотить и орать.

– Эллен, у вас там все нормально? – любезно поинтересовался Макс. – У вас там какой-то странный шум слышно.

– Да, точно, – беспомощно поддакнула я. – Похоже, что помехи на спаренной телефонной линии.

– Спаренной линии? – в замешательстве переспросил Макс. – А Вы разве не по мобильному говорите? Мне кажется, в мобильной связи не бывает спаренных линий. Спаренные телефоны, такие еще существуют?

– В Британии еще существуют, – продолжала я дальше сочинять по мере того, как визг за дверью усиливался, и я благодарила бога в тот момент, что дверь в спальню закрывается на ключ изнутри и мои обормоты не могут сюда ворваться. – У нас все еще это в ходу, потому что сети еще старые, кабель проложен... со времен войны... ну Вы знаете.

Эд на своем конце так засопел, что это можно было принять и за фырчание от отвращения, и за храп, как если бы он глубоко заснул, потому что в последние пятнадцать минут нашего разговора его не было слышно.

Макс, помолчав, добавил:

– Со времен войны? Хмм, окей, а я и не знал, это интересно.

Я пыталась еще как-то сохранить лицо и говорить спокойно, как профессионал, в оставшееся время, но, боюсь, впечатление было испорчено моей безумной репликой про войну. Всем же известно, что Про Войну Не Говорят. Я же знаю почти наизусть каждый эпизод из сериала «Отель Фолти-Тауэрс», так какого же хера меня понесло лепить эту ерунду про войну вместо того, чтобы просто извиниться и объяснить, что это мои детишки, чертенята, расшалились?

Я как фурия спустилась на первый этаж и наткнулась на Саймона, выходящего с довольной рожей из туалета.

– Ты чем это нахрен там занимался? – набросилась я на него. – Просила же, как человека, посидеть с детьми, чтобы они не шумели. И все. Где ты был?

– Мне надо было в туалет, – невозмутимо ответил Саймон. – Я же тебе ГОВОРИЛ, что мне плохо. Я сам не свой. Обычно я в туалете все делаю с утра, как часы, – а тут эта Эбола, и у меня живот крутит целый день.

– Потерпеть пять минут не мог? У меня там важный звонок, возможно, самый важный в моей жизни, я не могу бросить трубку посреди разговора, а тут за дверью дети бьются насмерть, игрушку поделить не могут, Джейн визжит как резаная, Питер орет как медведь, а все из-за какой-то херни? Ты блин не мог потерпеть со своим туалетом пять сука минут?

– Нет, если у тебя понос, какие пять минут? – возразил Саймон. – А что там с ужином?

– Да пошел ты в жопу! – в сердцах сказала я.

Четверг, 22 сентября

В общем, пришлось мне пойти на ежегодное общее собрание родительского комитета школы. Я потащила туда и Сэма, потому что если мне суждено пойти на дно, то я прихвачу с собой как можно больше народу. Он усиленно отбивался, аргументируя это тем, что это была моя вина и мне надо было вести себя умнее и не поддаваться под давление Идеальной Мамочки Идеальной Люси Аткинсон, а также ее подпевалы Фионы Монтегю, хотя всем известно, что им сопротивляться бесполезно, особенно когда они вооружены списками и ручками. Он пытался улизнуть от участия под предлогом того, что, будучи отцом-одиночкой, он не может позволить себе нанять бебиситтера на вечер. Я была готова к такому аргументу и сказала ему, что Саймон посидит не только со своими драгоценными детками, но и с его чадами тоже, на что Сэму было крыть нечем и потому нехотя, скрепя сердце ему пришлось сопровождать меня и Кэти на общешкольное собрание в актовом зале, где витал кислый запах квашеной капусты и прогорклого жира, этих вечных спутников школьных обедов, там мы обнаружили грандиозное собрание из одиннадцати человек под предводительством Люсиной мамы и Фионы Монтегю, и это приблизительно из семисот родителей, чьи дети посещают нашу школу. Тут я пожалела, что раньше не приходила, я то думала, что тут сборище энтузиастов волонтеров, вооруженных до зубов цветным картоном, клеем и степлерами и которым только дай что-нибудь организовать и устроить. Никогда бы не подумала, что здесь собирается горстка родителей, посему мне стала отчасти понятна напористость, с которой Люсиная мама и Фиона пытались каждый год завербовать новых членов в родительский комитет.

Собрание началось с организационного момента, когда мама Люси Аткинсон добровольно сложила с себя полномочия председателя комитета и выступила с предложением, чтобы кто-нибудь другой вызвался занять это место. Ее слова были встречены гробовым молчанием.

Кара Картрайт, сидевшая сбоку от меня, шепнула: «Не обращайтесь внимания. Она каждый год так делает, и никто не посмел еще сменить ее на этом посту. Это она для профформы так делает».

Однако Люсиная мама не унималась.

– Ну, давайте же! Наверняка есть кто-то, кто хочет стать председателем. Я БОЛЬШЕ НЕ МОГУ ВЫПОЛНЯТЬ ЭТУ ОБЯЗАННОСТЬ. Если никто сейчас не согласится, то все, не будет больше комитета. Не будет ни вечеринок на Хэллоуин, ни рождественского базара, ни летней ярмарки, И У НАС НЕ БУДЕТ ДЕНЕГ НА ШКОЛЬНЫЕ ЭКСКУРСИИ, НА КЛАССНЫЕ ДОСКИ, НИ НА ЧТО НЕ БУДЕТ ДЕНЕГ! Моя дочка заканчивает начальную школу в этом году, и я хочу побыть с ней хотя бы на одном школьном мероприятии. С НЕЙ побыть, а не откупаться от нее деньгами, чтобы она пошла поиграла сама, пока я по уши занята организацией и проведением очередного мероприятия. Неужели я не заслужила?

Тишина была как на кладбище.

– НУ И ОТЛИЧНО! – взорвалась Люсиная мама, хлопнув своей папкой с бумажками по столу. – ПОШЛО ВСЕ НА ХЕР! НАДОЕЛО! Я устала, я ухожу. Делайте, что хотите, но уже без меня.

– И без меня! – подхватила Фиона Монтегю.

Охxxx, какая же гнетущая тишина. Терпеть не могу театральные паузы, у меня нервов не хватает выдерживать такие неловкие моменты, и, не отдавая себе отчета, я, оказывается, подняла руку и забормотала: «Ээээ, ну, давайте я, что ли. Если никто не хочет, то я могу».

«Ой, да похер», – подумала я про себя. Работа Мечты мне не светит после того, как я завалила собеседование, так что могу найти время для родительского комитета между поеданием печенюх и созданием придурочных приложений.

– Ты серьезно настроена, Эллен? – спросила Люсиная мама, и глаза у нее заблестели. – Так это же просто замечательно! Теперь нам нужен казначей, чтобы сменить Фиону, и секретарь.

– Ммм, Сэм? – толкнула я Сэма локтем в бок. – Кэти тоже, ты же меня в это втянула.

– Что ж, давайте я буду казначеем, – со вздохом вымолвил Сэм.

– А я буду секретарем! – вызвалась Кэти.

– Оу, чудесно! – воскликнула Люсиная мама. – Наконец-то мы СВОБОДНЫ. Я в том смысле, что просто замечательно с вашей стороны выставить свои кандидатуры. Технически тут еще нужно проголосовать, посчитать голоса и запротоколировать, но честно говоря, у нас так давно не было самовыводимцев, что мы не будем разводить эту бюрократию сейчас. Ну, может, есть кто еще, кто хочет вступить в комитет?

– Раз пошла такая пьянка, то давайте уже все, – вставила свои шесть пенсов Кара Карт-райт. – Терять-то уже нечего.

– Я бы тоже хотела присоединиться к комитету, – из другого конца актового зала донесся незнакомый голос. Высокая миловидная женщина с безупречной прической и макияжем подошла поближе, сзади нее шли двое очень чистеньких ребенка.

– Извините за опоздание, – продолжила она. – Меня зовут Кики. Я делала фотографии своих девочек Лалабель и Триксирууз на улице, немного увлеклась. Так что да, я готова вступить в родительский комитет. Полагаю, нам есть над чем поработать и многое исправить.

Люсиная мама оправилась от замешательства и возмутилась: «Эээ, знаете ли, я должна Вас прервать, как Вас там, простите, Коко?»

– Кики. Через И.

– Ах да, верно, Кики. Это родительский комитет. Мы тут собираем деньги в фонд школы, и только. В политику школы мы не вмешиваемся. Скорее всего, Вам надо обратиться в Совет школы.

– О, вот как, – воскликнула Кики через И (это как Энн с двумя Н, не правда ли? И потом, Кики – это же кличка попугая, нет?) – Ну что же, раз я уже здесь, то пусть будет родительский комитет, мне интересно, куда расходуются средства из фонда школы. Убеждена, что мы можем и здесь что-то исправить – к примеру, игровая площадка такая унылая. Просто невозможно сделать приличный кадр на таком блеклом фоне. Нужно изыскать какие-то средства на новое покрытие, посадить кустарники, и, конечно же, ОБЯЗАТЕЛЬНО надо сделать роспись на панелях вокруг площадки.

– Зачем? – удивилась Люсиная мама.

– Потому что, когда делаешь фотосессию для инстаграма, стена с росписью очень выручает! – повысила голос Кики. – За инстаграмом будущее. И школам надо бы идти в ногу со временем.

Люсиная мама аж позеленела от злости, но Фиона ткнула ее локтем в бок, и я услышала, как она отчетливо прошипела на ухо Люсиной маме:

– Ой, да забей. Не наш цирк, не наши обезьяны! Давай сматывай удочки поскорее и пошли уже в паб. Пусть Эллен теперь с ней разбирается.

Кики продолжала, как ни в чем не бывало:

– Раз уж мы затронули эту тему, то я хотела бы узнать, почему нашей школы нет в инстаграме? Я могла бы помочь с этим. У меня в соцсетях большая аудитория, почти 300 подписчиков. Если кому интересно, то я там значусь как @kikiloveandlife, там все про детей, про стиль жизни и путешествия. Все говорят, что я так вдохновляю, это, конечно, приятно, но и очень ответственно!

Первые струи ледяного душа охладили мой пыл, и я стала наконец осознавать, во что вляпалась.

Остаток собрания прошел за передачей дел от прекращающего свои полномочия комитета слегка ошалевшему новому составу, в ходе чего Кики пыталась вести фоторепортаж для своего инстаграма, просила нас замереть на секундочку и попозировать для группового селфи, от которого все вежливо отказались, хотя она настоятельно рекомендовала нам подписаться на нее и напомнила еще раз, скольким людям она помогла своими вдохновляющими постами.

Господь милостив, и потому все амбиции Кики не шли дальше, чем завести инстаграм для нашей школы, на что, скорее всего, Совет школы наложит вето, а занимать какие-то должности в родительском комитете ей было не интересно.

Когда я пришла домой после собрания и призналась Саймону, что я не только вхожу в состав нового родительского комитета, но даже и возглавляю его, он посмотрел на меня в полном изумлении.

– То есть ты хочешь сказать, что в тот момент, когда Идеальная Мамочка Идеальной Люси Аткинсон публично, во всеуслышание отреклась от этого поста, недвусмысленно сказав «ПОШЛО ВСЕ НА ХЕР», тебе это показалось нормальным, и ты решила взять на себя эту роль?

– Нууу, там стояла такая гнетущая тишина. Кто-то должен был ее нарушить и что-то сказать. Я запаниковала! Я не люблю давящей тишины.

– Ну, обычно ты заполняешь тишину и неловкое молчание тем, что начинаешь нести дичь про выдр с пальцами, а в этот раз что с тобой произошло? Ты никогда не вызывалась выполнять самую неблагодарную работу в истории человечества.

– Хотела я выступить с лекцией о выдрах, но там она была не к месту. И потом, со мной же будут Сэм и Кэти, не все так плохо. Еще Кара, она нормальная, очень милая женщина. Все будет хорошо, Саймон. Что ты так переживаешь? Мы уже приняли первое решение, что все наши заседания будут проходить в пабах, – вот увидишь, к нам другие родители еще потянутся!

– Хммм, – недоверчиво протянул Саймон. – Ну, я сейчас не буду говорить «я же тебя предупреждал», поживем – увидим.

Пятница, 30 сентября

Я ПОЛУЧИЛА РАБОТУ! Уж не знаю почему, но мне предложили ту работу! Габриэла сказала, что Макс нашел меня весьма «креативной» (по ее голосу нельзя было сказать, что она в это поверила). Может, если ты несешь всякую пургу не моргнув глазом, то это считается сейчас за положительное качество по жизни? Раньше этого не одобряли. И поскольку мне нигде не надо отрабатывать две недели перед увольнением, то они ждут, что я приступлю к своим обязанностям уже через неделю в понедельник, вот блин!

А вот теперь меня реально накрыло, я в панике от того, что теперь со мной будет. Справлюсь ли я с работой? По плечу ли она мне? Каким образом я буду совмещать председательство в родительском комитете школы с полным рабочим днем и всем остальным? Что будет с моими детьми, они будут эмоционально затравлены и травмированы на всю жизнь? А самое важное, что если в новом офисе мало туалетов? Туалеты для меня очень важны, я всегда переживаю из-за туалетов. Если они будут расположены в неудобном месте, то это проблема. Помню, как

на первой своей работе первые полгода я чувствовала себя нормально, потому что знала, где находятся туалеты, но потом меня перевели в другой отдел, где были в основном одни мужчины, и спрашивать у них, где женский туалет, мне было стремно, поэтому я следующие полгода бегала в свой старый отдел, чтобы отлить, но потом до меня дошло, и я проследила, куда ходят женщины с моего этажа, и вот так, путем слежки, мне удалось установить локацию дамской комнаты. Не одна я запариваюсь насчет туалетов, у Ханны тоже есть такой пунктик, она однажды отказалась от работы, которую ей предложили в большом и просторном здании, так как она испугалась, что до туалетов она там не дойдет и потеряется (понятно, что были там и другие соображения, но туалеты, определенно, сыграли свою роль). К тому же эта компания вся из себя современная и инновационная, а что если у них совмещенные туалеты унисекс? Я не представляю себя в унисекс туалете, где в соседней кабинке сидит какой-нибудь Брайан и трещит по телефону, пока опорожняет свой кишечник, а я тут за перегородкой стою с тампоном в руках или же пытаюсь накрасить губы, а мужики тут же обсуждают других баб. Они же обсуждают баб в туалете? Понятия не имею. Да и откуда мне знать, если я в мужской туалет ни ногой, и было бы здорово туда не попадать никогда. Я не могу сходить по-маленькому даже в женском туалете, если в соседнюю кабинку зашла женщина, что уж говорить о том, когда туда зайдет мужчина (хотя тогда я могу свободно пердеть и не стесняться, все можно свалить на мужиков).

Тут на меня нашла ностальгия по нашим старым добрым туалетам в старом офисе, где все было просто и знакомо, а уборщица Бренда никогда не запирала шкафчик с туалетной бумагой, так что я могла не переживать, что она закончится. Такого, наверное, не стоит ждать от туалетов унисекс, на мужиков бумаги не напасешься. Но потом мои мрачные размышления о туалете сменились более радостными мыслями. Я же получила работу мечты! Несмотря ни на что, на этот дурацкий рисунок на стене в переговорке, отсутствие какой-либо поддержки со стороны Саймона, неправильный стакан для кофе, визжащие дети во время собеседования, крошки в лифчике, – несмотря на все это, Я ПОЛУЧИЛА ЭТУ ЧЕРТОВУ РАБОТУ! Определенно, придется обновить гардероб. Надеюсь, они не ждут, что я буду гарцевать каждый день на шпильках, со временем я надеюсь подружиться с коротенькими штанишками и четкими ботиночками и не выглядеть при этом как ебобо.

Октябрь

Суббота, 1 октября

Сегодня получила электронное письмо от отца, он предлагает нам «встретиться» как-нибудь за обедом, что довольно неожиданно, я ведь думала, что он все еще живет где-то там в Португалии. Судя по всему, у него для нас очередной «сюрприз». Не знаю, что это может быть. С одной стороны, мой извечный оптимизм рисует мне радужные картины, что отец решил перевести на мое имя огромную сумму денег или же, чтобы не платить налог на недвижимость, переписал на меня свой дом в Португалии, потому что мне дом нужнее, чем моей сестре, с другой стороны – по опыту знаю, что ни один из его прошлых «сюрпризов» ничем таким не оборачивался, все было намного прозаичнее, и он просто ставил нас перед фактом, что развелся или женился в очередной раз.

Если не судить строго, то можно сказать, что папуля у нас стареющий ловелас, чем-то смахивающий и обликом и стилем жизни на актера Лесли Филлипса, такого же неисправимого Дон Жуана, однако с годами его привычка жениться с регулярностью раз в год стала несколько напрягать. Мы уж надеялись, что его последняя жена Кэролайн совладеет с ним, и он остепенится, она продержалась рекордных семь лет, но потом и она сдалась, когда застала его в постели со своей горничной, после чего он свалил в Португалию под предлогом отдохнуть от суеты и поиграть там в гольф, а не потому, как язвительно заметила мамуля, что в его деревне леди кончились, так он переключился на прислугу.

Мои опасения по поводу его «сюрприза» подтвердились, когда позвонила моя дражайшая сестрица Джессика, которой он прислал такое же письмо с приглашением «встретиться как-нибудь за обедом». В разговоре со мной Джессика привычно исполняла роль снисходительной старшей сестры, которая отмахивалась от моих сомнений, не хочет ли наш папаша познакомить нас с новой мачехой.

– Господь с тобой, Эллен. Ему семьдесят пять. В его ли возрасте снова жениться? Он уже давно перебесился.

– А может опять, седина в бороду, бес в ребро? Помнишь Кэрри Баркер? Ее дедушка еще три раза женился после смерти бабушки, а ему как раз-таки было семьдесят пять.

– Ну, так его жены все время умирали от старости, что ему оставалось делать, приходилось жениться заново, он же никогда себе портков не стирал. С папулей не так. У него были затяжные периоды междуженья, так что он у нас вполне самостоятельный и самодостаточный.

– Тогда зачем он нас собирает, как думаешь?

– Откуда мне знать? Может, он решил вернуться домой в Британию, чтобы проводить больше времени с внуками.

– Он же ненавидит детей. Он и нас с тобой едва терпел, когда мы были маленькими, и то потому, что старался реже с нами встречаться. Забыла, как он хвастал, что ни разу в жизни не менял своим детям подгузник, и до сих пор припоминает мне, как новорожденная Джейн срыгнула на него. Надо отдать ему должное – сколько жен разменял, а детей у него больше не было. Так что в целом его нелюбовь к детям спасла нас с тобой от толпы сводных братьев и сестер, которые бы передрались за его наследство.

– Персефону и Гулливера он обожает, – заявила образцовая мать Джессика тоном, не терпящим возражений. – Да и все вокруг любят Персефону и Гулливера, кого ни спроси, все ими восхищаются. Может, это он просто твоих детей не любит?

– Он твоих детей тоже не любит!

– Любит!

– Не любит!

– Не спорь со мной!

– Буду спорить!

– Эллен, я положу трубку, если ты не перестанешь дурачиться и не начнешь разговаривать как нормальный взрослый человек.

– Ой, подумаешь! – фыркнула я. Вот честно, не пойму, что не так с Джессикой. Она моя старшая сестра, я ее люблю, не, ну честно, но иногда она меня выбешивает. Вот всегда выводит меня из себя, просто тем, что начинает задаваться, и мне так и хочется задеть ее, треснуть по башке или толкнуть в лужу, чтобы только она перестала нос задирать. Ей уже сорок пять, мне сорок два, а мы продолжаем с ней препираться как дети малые, что не оставляет мне никаких надежд относительно того, что в один прекрасный день Питер и Джейн полюбят друг друга как брат и сестра, перестанут мутузить и пытаться убить друг друга самым изощренным образом. И потом, дети у Джессики – это настоящие монстры успешного успеха во всем, если бы это только зависело от Джессики, несомненно, она бы их возвела на трон и поставила у кормила власти еще до того, как они вышли из пубертата (я до сих пор ежусь, когда вспоминаю, что у меня есть племянница по имени Персефона и племянник по имени Гулливер, хотя Джессика так гордится, что ни у кого из детей ее знакомых, друзей и людей ее круга нет таких имен, и ее ненаглядные чада носят самые что ни на есть уникальные имена, которых не найдешь ни в одном списке самых популярных имен. Но и тут я нашла, чем ее порадовать, когда зауглила «список самых претенциозных и напыщенных имен в семьях среднего класса», где оба имени фигурировали в топе. Эта информация немного сбила с нее спесь, а у меня в тот день было хорошее настроение...)

Тем не менее повод, по которому отец хотел нас всех видеть за обедом, все еще оставался неизвестным, и потому Джессика заявила, что зарезервирует столик (надеюсь в ресторане, где можно заказать картошку фри. В последний раз, когда мы ходили с детьми в ресторан, где не подают жареный картофель, все закончилось очень печально).

Пятница, 7 октября

Фуууххххх! Наконец-то пятница-расслаблятница. Всю неделю я готовилась к выходу на работу, договаривалась с нянями, заказывала партии готовой еды, чтобы зарядить в морозильник и у моих детей не было бы недостатка в витаминах и минералах, а то, не дай бог, заработают себе диабет и цингу, пока мама вкалывает на работе. Прикупить комплекты одежды для офиса мне не удалось, но зато я приобрела кучу «стильных» брючек, уж не знаю, смогу ли я в них ходить на работу, а также купила солидную бизнес-сумку, которая пугает меня своим взрослым видом, так что все, что мне сейчас нужно, – это выпить в тишине бокал вина, но с детьми это сделать невозможно, потому что они не дают мне ни минуты покоя и их нужно все время кормить. Все эти книги по воспитанию детей, все эти руководства для родителей с их мудрыми рекомендациями и полезными советами, как и почему, не говорят вам одной простой вещи, знаете какой? Что ваши дети будут хотеть жрать каждый сука день и каждый сука вечер, особенно на ночь, даже если у них плохой аппетит и они ничего не любят, потому что они такие привередливые засранцы.

Когда-то и я питала надежды, что уж мои-то дети будут есть все! Если у вас ребенок ковыряется в тарелке, это только по вашей вине, потому что вы лентяйка и не стараетесь приготовить что-нибудь вкусное. Уж мои-то детки, самодовольно думала я, будут тонкими гурманами, знающими толк в еде и ценящими вкус изысканных экзотических блюд со всех уголков света! Ага, щас.

Джейн думала иначе. Джейн терпеть не могла все, что ей ни дай. Кроме шоколада. Шоколад она любила. Я часами колдовала над ингредиентами, растирала в пюре, замораживала-размораживала, чтобы потом Джейн попросту выплюнула приготовленную мною с такой любовью снедь и вопила, как будто я ее силосом кормила. В конце концов, несмотря на морозилку, забитую до отказа контейнерами с эксклюзивно приготовленными по рецептам Аннабель Кармель детскими блюдами, на которые Джейн плевать хотела, я приняла решение! Я могла бы сэкономить силы, время и продукты простым перебором всех вариантов детского питания, которое было в продаже, просто даем ей очередную баночку и смотрим на реакцию, если ест, значит, будем и в дальнейшем это готовить! Я отправилась в супермаркет Sainsbury's и скупил весь ассортимент детского питания, какой был у них на полках (понятно, что все это было консервированное, но ведь это был недешевый супермаркет, и на баночках значилось, что питание настолько органическое, насколько это возможно для консервированного пюре). На удивление, Джейн понравились почти все вкусы (особенно она любила есть пюре «мясо со шпинатом», отвратительную на вид буровато-зеленую размазню, которая была одного и того же цвета как на входе в ее желудочно-кишечный тракт, так и на выходе). Оказалось, что Джейн просто терпеть не могла мою стряпню. Баночка с овощной лазаньей? «Ням-ням!» – говорила Джейн (ну не совсем говорила, она тогда и говорить-то еще не умела, но всем своим видом показывала). Домашняя овощная лазанья? «Буэээ!» – говорила Джейн. Так мы и питались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.